

Невесты Аллаха; Лица и судьбы всех женщин-шахидок, взорвавшихся в России

Юлия Юзик

О них не плакали ни небо, ни земля.
Коран, сура 44, Дым

От автора

Рок-фестиваль в Тушино. Москва.

Девочка с зажатым в ладони мобильным телефоном лежит на горячем июльском асфальте. Руки вдоль тела. Хотя тела — почти нет. Лишь раны, сожженная кожа, кровь да пузыри от ожогов. Ей лет 20, не больше. Открытое девичье лицо, огромные голубые глаза, полуоткрытый рот.

Сотрудник милиции аккуратно снимает с ее руки часы, потом — золотые украшения и складывает все в пакетик.

Чуть поодаль — другая девушка. Перед смертью, вспоминают очевидцы, она присела на корточки и, зажмурив глаза, вскрикнула «Ой!». А потом — хлопок, словно петарду взорвали.

Из-за нее — темноволосой — погибла та, с мобильником в руке и широко открытыми глазами. В них — этот мир, каким она его любила и видела в последний раз.

ФСБ включает сотовую связь спустя какое-то время после взрыва, и в руке первой начинает трезвонить телефон. Настойчиво, требовательно, неугомонно.

В руках у темноволосой тоже зажата телефонная трубка. Но она молчит. Вокруг трупов — толпа зевак.

Им обеим лет по 20. Но одна видела смерть, а другая — рай. Одну уже ищут родные, узнав из экстренных выпусков новостей о взрыве; другую не ищет никто.

...Через несколько дней убитая горем мать причитает у морга, приехав забрать тело дочери.

— За что убили мою девочку? Она такая хорошая была, добрая, музыку любила... На концерт пошла — музыку послушать... А встретила смерть. Я хочу похоронить свою девочку в свадебном платье, она у меня такая красивая, еще замуж не успела выйти. Кто мне объяснит, почему я не могу так сделать?

Возле матери появляется медсестра:

— Нельзя, понимаете? Она... не в том виде, чтобы на нее одевать платье... понимаете? Извините...

Шепотом говорят о том, что тела будут выдавать только в закрытых гробах: холодильников на всех не хватило, из-за «перегрузки» морга тела погибших лежали в пластиковых пакетах на полу. Из-за июльской жары сильно испортились.

Их выносят в забитых наглухо гробах.

— Я хочу похоронить свою доченьку в свадебном платье, я хочу, чтобы она к Господу красивой пошла, невестой... Она ведь даже замуж не успела выйти... Может, там...

Мужчина, выходящий из морга, вполголоса:

— Этих... террористок... вообще в холодильник не положили... Вонь от них такая... И забирать некому.

Вот так. Шахидка и ее жертва. Чеченка и русская. Их жизнь прервалась в одну и ту

же секунду. Они были ровесницами. Прожили разную жизнь. Но смерть стерла все различия. Все, кроме одного: русскую похоронит мать, а у чеченской даже не будет могилы.

Из сегодняшних газет

Тушино, 5 июля 2003 года. В этот день в Москву пришли «живые бомбы». Москвичам предстоит научиться жить в городе, напоминающем Иерусалим, а властям — бороться с новой разновидностью терроризма.

Смертницы прибывают в Москву, вооруженные самым страшным оружием — верой в то, что им, как шахидам, уготован путь в рай. Выбор такого орудия убийства не случаен: те, кто посылает женщин, опоясанных взрывчаткой, насмерть, делают ставку не только на демонстрацию решимости «борцов за свободу», но и на вызываемые их действиями панику и подавляющее психику чувство незащищенности. Москва, как и любой крупный мегаполис, беззащитна перед такими «живыми бомбами».

Журнал «Итоги», 15 июля 2003 г.

Чрезвычайное положение в Москве введено не будет, несмотря на сохраняющуюся высокую вероятность продолжения акций террора. Об этом заявил вчера мэр столицы Юрий Лужков. То, что теракт в Тушино не был единичным эпизодом в развязанной боевиками диверсионной войне, стало ясно после событий вчерашней ночи в самом центре Москвы. Здесь удалось предотвратить новый теракт.

Смертницу — 23-летнюю уроженку села Бамут Зарему Мужихоеву — вовремя вычислили и схватили.

Газета «Газета», № 123 от 11 июля 2003 г.

Потребовалось почти полвека, чтобы экстремистские палестинские организации пришли использовать в борьбе с Израилем террористов-самоубийц. Чеченские сепаратисты сдали этот экзамен экстерном — весь путь они прошли всего за четыре года. Мало того, чеченские организаторы террора пошли дальше. В отличие от ближневосточных коллег, которые превращают в самоубийц юношей, они начали поточное производство смертниц.

*Еженедельный «Журнал»,
№ 27, 14–20 июля 2003 г.*

Активность чеченских боевиков подавляли сначала бомбами, потом пехотой и артиллерией, а затем массовыми зачистками. Но воевать с мужчинами было легче, чем с женщинами.

«КоммерсантЪ — Власть», 14–20 июля 2003 г.

«Свадьба» — кодовое слово для обозначения второго этапа операции. Имелись в виду женщины-бомбы. Их еще называют «невесты Аллаха». Вот потому и «свадьба».

«Комсомольская правда», 13 июля 2003 г.

Из дневников после окончания книги

У меня спрашивали: «Что ты хочешь написать о них? Оправдать? Смерть убитых ими детей, подростков, женщин, стариков оправдать? Ты хочешь вызвать к ним жалость? Ты

вообще понимаешь, что происходит? Они убивают НАШИХ детей! Им нет прощения!».

Или: «Как бы я хотела, чтобы они горели в аду синим пламенем! Мой мальчик просто стоял в очереди за билетами, он просто пришел на концерт, он ничего плохого им не сделал, он у меня учился, жить хотел, любить хотел. Как я их ненавижу!».

Это о последнем теракте на рок-фестивале в Тушино. Москва содрогнулась от двух взорвавшихся девочек-чеченок. Осколки от их поясов — проволока, гвозди, порох — пронзили сердца всех, кто живет в России.

Не потому, что было жаль погибших, — потому что все испугались, что в следующий раз женщина-смерть окажется рядом с ними.

Редактор одного издательства: «Что ты хочешь о них написать? Журналистское расследование о том, где они родились, жили и как стали «живыми бомбами»? Да ты посмотри, газеты об этом уже написали. Вот вчера: «Террористку похитили из дома за пол года до теракта... Ага... вот... она любила плюшевых медведей и во всем слушалась папу и маму... Брат — ваххабит». Ну и что? Разве это проливает какой-нибудь свет на то, что происходит? Писать о них надо будет, когда все уже закончится. Вот тогда и опубликуем. Подведем итоги, проанализируем, что же это было такое».

Но я не хочу писать, когда все уже закончится. Я не хочу считать трупы и подводить печальные итоги «нового явления в российской истории».

Хотя, наверное, так было бы легче. Посчитать, проанализировать и сказать, что мы все с вами были свидетелями исторических потрясений.

Нет, я хочу написать о «новом явлении российской истории» сегодня. Сейчас. И ни днем позже.

Потому что я не хочу считать теракты, я хочу их предотвратить. «Осведомлен — значит, предупрежден».

Я год ездила по Чечне, собирая по крупницам правду об этих женщинах. Женщинах, взорвавших себя ради... Идеи? Мужчины? Или из-за того, что не было выбора?

Правда — она всегда есть. Ее только нужно найти. Она где-то между пропагандой — той, чеченской, и нашей, спецслужбовской.

И что? Книга уже закончена, запятые и ударения проставлены, но только поднимаю голову и начинаю слушать то, что говорят вокруг, — теряюсь.

Ложь, ложь и еще раз ложь.

И мы все живем во лжи. Мы верим в то, что нам говорят с экранов телевизоров. А что там слышно? О международном терроризме, об отряде «черных вдов» Шамиля Басаева, о новых готовящихся терактах в России; о том, что противостоять «живой бомбе» невозможно. Один журнал даже предложил ввести в школах предмет «Выживание в большом городе»: о том, как следует вести себя при катастрофах и терактах.

Москва — Палестина, женщины — шахидки. И все верят. Все ждут и боятся.

Никто не задумался над тем, что за всю историю Кавказских войн, которые Россия вела сотни лет, не было ни одного случая, чтобы чеченец, а уж тем более чеченка — обвязывались порохом и взрывали себя. Лермонтов: «Злой чечен ползет на берег, Точит свой кинжал». Чеченцы нападали — из-за спины ли, лицом ли к лицу, — но всегда с кинжалом. Убить себя — позор. Воин должен сражаться до последней капли крови.

А женщины вообще никогда не участвовали в войнах. Они рожали детей, дожидались мужей дома и охраняли свой очаг. Горянка — она всегда за мужской спиной. Всегда на втором плане, скромная и молчаливая.

Чтобы женщина взяла в руки оружие или вышла на первый план — неслыханное, невозможное.

Великий князь Михаил Романов докладывал, потрясенный, военному министру Милютину о событиях на Кавказе в 1864 году: «Произошло дело, едва ли виданное в Чечне! Три тысячи фанатиков (в том числе даже несколько женщин!) без выстрела, с кинжалами и шашками, шли, как иступленные, на наш отряд из шести батальонов, который ожидал их неподвижно, держа ружья на руку. Они подошли к войскам на расстояние более 30 сажень.

Партия их, шедшая на наш левый фланг, дала залп, и все они бросились в шашки. Тогда князь Туманов приказал стрелять: отряд открыл батальный огонь, и через несколько минут атакующие... бросились бежать в совершенном расстройстве. Общая потеря мятежников еще не приведена в известность, однако в числе заколотых штыками осталось 5 женских трупов!».

Великий князь был потрясен не столько безумием «живого щита», бросившегося навстречу царской армии, сколько тем, что чеченки не просто оказались среди мужчин, но и бросались на штыки!

В новейшей истории Чечни, разбитой войной и сожженной горем, максимум, на что были способны женщины, — это выйти на митинг с портретом убитого мужа или лечь под колеса автобуса с иностранной делегацией. Так они выражали свое отчаяние и протест против бесследных исчезновений сыновей.

Так почему никто не задумался над тем, как же тогда Россия смогла обогнать весь мир по количеству женских «живых бомб»?

Около тридцати смертниц с «поясами» шахидов за три года — это слишком даже для Палестины!

Так что же произошло в 2000 году, когда хрупкая девочка Хава Бараева повела грузовик, начиненный взрывчаткой, на блокпост российских войск в Чечне, став первой шахидкой?

Что произошло с чеченскими женщинами?

Что произошло со всеми нами?

И почему мы молчим?

Я пишу о женщинах... камикадзе, взрывающих мою страну. Я хочу рассказать вам, кто они такие. Я хочу, чтобы вы знали каждую из них в лицо. Чтобы знали, как и ПОЧЕМУ она взрывается.

«Что ты хочешь написать о них? Оправдать? Ненавижу я их, проклиная... Они убили моего сына. Разве они — женщины?!»

Женщины. Такие же, как мы. И наши слезы соленые одинаково.

...Вот об этом я и написала эту книгу.

Глава 1 Они были первыми

*Но средь людей такие есть,
Которые берут себе для подражанья
Других с Аллахом наравне,
И любят их, как должно им любить Аллаха.*
Коран, сура 2, стих 165

«Я умираю во имя Аллаха и Арби» — Хава Бараева

Это юное создание со дня своей смерти превратилось в легенду.

Июнь 2000 года. Село Алхан-Кала.

17-летнюю Хаву ставят перед объективом камеры. Маленькая, не очень красивая девочка с покрытой головой бойко говорит.

— Сестры, пришел наш час! Когда враги убили почти всех мужчин, наших братьев и мужей, только нам остается отомстить за них. Пришел час, когда нам придется взять оружие и идти защищать свой дом, свою землю от тех, кто принес в наши дома смерть. И если ради этого нам придется стать шахидом на пути Аллаха, мы не остановимся. Аллаху Акбар!

Крохотная, словно птичка, прокричавшая свою последнюю песню, Хава поднимается по ступеньке в кабину КамАЗа. Садится за руль. Бесстрашное лицо. Если

вглядеться повнимательнее, кажется, что ее глаза какие-то стеклянные. Мертвые глаза, которым неведомы страх и сомнение.

Вот она за рулем. Кто-то, сидящий рядом, неукоснительно снимает все — до последней секунды. Грузовик мчится. Впереди — блокпост. Завидев несущуюся машину, на посту начинается паника и крики. Выстрелы. Изображение вздрагивает и гаснет. Взрыв.

И вдруг; просматривая кассету, я вижу продолжение, словно не было паузы перед монтажом.

Съемка ведется в какой-нибудь сотне метров. Последние секунды грузовика. Страшный грохот. Куски железа взлетают на воздух. А вместе с ними — человеческие тела. Падая на землю через сотую долю секунды, они превращаются уже в оторванные руки, ноги и головы.

Когда отчаянная Хава разрывалась на куски, мужчины подло стояли в кустах и снимали происходящее видеокamerой. А потом видеозапись со страшной гибелью омских омонцовцев и двух несовершеннолетних девочек непонятным образом была передана в ФСБ.

Но самое страшное не в том, что все это снимали видеокamerой, а потом кассету передали российским спецслужбам.

В другом: исполнитель этого чудовищного преступления, первого в истории Чечни случая женского шахидства, — Арби Бараев — не пожалел ради отработки заказа своей двоюродной сестры.

И обставил ее смерть по всем законам жанра. До гибели Хаву снимали в доме, где, покорно сидя на краешке дивана, она читала вслух Коран, потом — отвечающей на вопросы о смысле жизни и смерти. Хаву снимали и за рулем грузовика — репетировали. Потом снимали то самое, финальное — заученные слова о смерти, рае и священной борьбе мусульман.

Брат, мужчина — он сжег эту девочку-пичужку в огне взрывчатки. Не пожалел. Не дрогнул. Как мог? Как добровольно согласилась на смерть юная Хава?

Эту историю мне поведала моя чеченская подруга Фатима, жившая с Арби на одной улице в Алхан-Кале.

— Настоящая фамилия Хавы не Бараева, а Жансуркаева. Она жила в Алхан-Кале, также, как и Арби. Была сиротой: мать у нее умерла много лет назад, так что воспитывал ее отец. Он работал инженером по технике безопасности на деревообрабатывающем комбинате. Очень хороший, добрый человек.

До 1998 года она носила нормальную одежду, выглядела как современная девушка. А потом ее забрал к себе Арби. Ну, вроде как на воспитание да на поруки.

Позже я увидела ее уже в 1999 году на автобусной остановке в Грозном. Она была в длинном темном платье и брюках, с покрытой головой. Типичное одеяние ваххабиток. Я тогда еще подумала: ну все, Арби взялся за дело.

О ней я много слышала в селе, хорошо знала ее отца.

После того как Арби забрал ее к себе, она и жить стала у него в доме. Эта девочка была очень одинокой: матери нет, сестра замужем и живет в другом селе, с отцом, по нашим традициям, девочка не может выстроить очень близких и доверительных отношений.

Она влюбилась в Арби. Он же был красив как дьявол: в него влюблялись все женщины, только увидевшие его. Ты знаешь, в нем было что-то необъяснимо-магнетическое. Он смотрел тебе прямо в глаза, брал за руку и что-то тихо говорил, — и все. Ты уже ничего не слышала и не видела — кроме его рук, тихих слов и черных глаз.

Его кровавая слава только добавляла ему загадочности и необъяснимой власти над людьми. С тех пор как Зелимхан Яндарбиев объявил его своим «наследником» и оставил его в Чечне на хозяйстве вместо себя, все чеченцы о нем только и говорили. И Арби — он всегда был окружен женщинами. Они все были рады ему служить. Когда он уже скрывался — не от ваших (русских. — Авт.), от наших, объявивших на него охоту, — ему помогали подруги, сестры.

Умирал он и то окруженный женщинами. У него были серьезные ранения, он уже

затихал, но все же успел произнести фразу: «Декъал хила вола со», что в переводе примерно означает: «Я не умираю, я становлюсь счастливым».

Он все так обставлял — любой свой шаг, свою жизнь и свою собственную смерть, — Аллахом, раем. А женщины — впечатлительные, эмоциональные, — их это восхищало.

Говорят, он отрезал пленным головы, похищал людей. Наверное, это правда.

Но женщины, которые любили его, никогда этому не верили. Потому что в общении он был совсем другой. Спокойный, немногословный, всегда готовый помочь, если обратишься к нему.

У меня была подруга — сестра Арби Лариса, она сейчас в Баку живет, — знаешь, что она рассказывала? «Придешь, бывало, к Арби, начинаешь плакать, что парня, которого ты любишь, не интересуешь. Он садится напротив, берет твою ладонь в свою и начинает плакать вместе с тобой. Утешает, говорит такие слова, какие не каждая женщина подберет: «Не плачь, сестренка, Аллах видит твои страдания, он обязательно поможет тебе».

Готовясь к смерти, Хава постоянно читала Коран

Представляешь, какой он был? Женщины его любили безбожно. Много жен у него было: четыре официальных, все вместе на одной улице жили, а сколько еще тех, о которых мы не знаем...

Хава жила в доме Арби и, по слухам, тоже стала делить с ним свою постель. И его власть над ней вскоре стала уже безраздельной.

Арби стал использовать это в своих интересах. Сделал из нее ярую ваххабитку, помешанную на религии. Готовил в шахидки, которых в Чечне сроду никогда не было. Для «первой пробы» ему нужна была женщина, в которой он был уверен на все сто процентов. Та, которая пойдет ради него на смерть. И ею была Хава.

То, что происходит что-то неладное, заметили все. Однажды отец Хавы, выпив для храбрости, пошел к Арби и стал просить оставить его дочь в покое.

Арби что-то пошутил, похлопал его по плечу да отправил восвояси.

Отец Хавы дружил с моими родителями, как-то раз он пришел и стал жаловаться, что Арби словно загнипнотизировал его единственную дочь. «Старшая замуж вышла и уехала, жена умерла, одна Хава у меня осталась, что же он, хочет и ее у меня забрать?»

И вот спустя год, в июле 2000-го, я слышу, что Хава взорвала себя и еще одну девочку. Все Арби так осудили!

Отец Хавы потом спился совсем. Он сидел у нее на могиле и плакал, как ребенок: «Девочка моя, ну зачем ты это сделала? На кого ты меня, старика, оставила!».

Арби он проклинал. А потом, в октябре того же года, и его похоронили. Умер он тоже как-то странно, и в этом тоже, если честно, винули Арби.

...Два года, прожитых у Арби, Хава помогала хоронить сподвижников брата или других ребят-боевиков из села. Она любила Арби и верила всему, что он говорил. А он говорил много и красиво, зажигал юное сердце и душу.

Хава была трогательным ребенком, искренне поверившим, что ее смерть облегчит участь ее народа. Свидетели вспоминают, что примерно за час до того, как грузенный взрывчаткой грузовик врезался в российский блокпост, Хава приехала на рынок за фруктами и сказала торговавшим там женщинам: «Я собираюсь на газават. Скоро вы обо мне Услышите!».

Она верила, что Аллах встретит ее в раю, где ее будет ждать счастье и покой. Арби всегда говорил, что жизнь на земле — это страдания на пути в рай.

Чтобы по дороге в рай Хава не дрогнула, Арби для подстраховки кормил ее психотропными таблетками. Фатима, моя подруга, подтверждает, что наркотики всегда

водились у Арби.

— За мной ухаживал боевик Арби по имени Роман. Он часто приходил ко мне с красноватыми стеклянными глазами и все время почти — с насморком. В селе знали, что Арби и кокаин нюхает, и таблетками балуется. У него всегда были самые крутые наркотики. И девочек — жен своих — он тоже иногда этим подкармливал. Говорят, что он любил извращенный секс, и наши чеченки, от природы немного зажатые, раскрепощались от этих таблеток. Роман мне как-то говорил об этом: мол, у Арби есть такие витамины, от которых веселость и легкость появляется. Словно паришь где-то в небе...

Видели бы вы глаза Хавы в последние минуты жизни! Стеклянные, которым неведом страх. Словно она была уже не здесь, а где-то на небе, в раю, где легко и свободно.

В них навсегда застынет Арби, которого она любила и который предал ее.

Но она — смогла. Доказала Арби, что не дрогнет, что сможет, что ее вера во Всевышнего ничуть не меньше его веры. А он ведь все время сомневался в ней, в искренности ее чувств, в силе ее любви — к нему, Арби, и к Аллаху.

...В тот роковой день Хава была не одна в грузовике. Рядом с ней сидела еще одна обманутая девочка — 16-летняя Луиза Магомадова.

Утром она вышла из дома — сдавать выпускной экзамен в школе. Мать знала об экзамене и отпустила дочь с легким сердцем.

Но красавица Луиза — белокурая, голубоглазая, с длинными локонами — отправилась на другой экзамен.

Не первый — последний в своей жизни.

Так она проверяла себя — на силу, на стойкость, на решительность. Так она проверяла свою веру в Аллаха, доказывая Арби, что сможет — умереть ради Аллаха и не дрогнуть. Тем более, что рядом с ней в кабине грузовика сидела ее подружка Хава.

Вдвоем — не так страшно. Даже в гости к Господу Богу.

Эти девочки — Хава и Луиза — стали первыми «невестами Аллаха» в России. Но песни и поэмы слагают в честь только одной из них, обладательницы громкой и известной фамилии.

«Эта песня посвящается светлой памяти Хавы Бараевой и других наших сестер, ставших шахидками на пути к Аллаху:

Агрессор в селе Алхан-Капа
Куражится, залив водярой зенки,
Но смерть, забив во все колокола,
К нему стремилась в образе чеченки.
К комендатуре мчится грузовик, —
Нагруженный пластитом и судьбою,
В его кабине виден нежный лик Хавы,
Решившей жертвовать собою.
Вся превратившись в яростный комок,
Ведет она машину прямо к зданию,
В мгновение ударяется в висок
Прощальными словами к мирозданию:
«Сойдет ли свыше благодать
На этот бранный жизни остров,
Ведь продолжают погибать
Помимо братьев наши сестры?!»
Мы на своей борьбы алтарь
Лишь лучших приносили в жертву,
И в памяти осталась ждать,
Где все насквозь пропахло смертью.
«Вниманье, цель!» — раздался чей-то крик

Из гнусного скопления русских гадов.
От мести раскаленный грузовик
Встречает враг стрельбой из автомата.
Удар! И боли мощный взрыв
Накрыл комендатуру мощным лавом...
И принял враг отару смерти душ,
И не спасли ни пушки, ни бравада,
И множество ничтожных черных душ
Как звери заползли в трясину ада.
«Сойдет ли свыше благодать
На этот бранный жизни остров,
Ведь продолжают погибать
Помимо братьев наши сестры?!»
Мы на своей борьбы алтарь
Лишь лучших приносили в жертву,
И в памяти осталась ждать,
Где все насквозь пропахло смертью.
А дочь чеченца — смелая Хава —
Шахидом стала на пути Аллаха.
Да, вера мусульманская права:
Нумины не испытывают страха.
Залита кровью милая Чечня,
Что снова стала вся багрово-красной,
И гибнут сестры в пламени огня,
Но эти жертвы будут не напрасны.
И ждет Хаву благословенный рай,
Сияющий своим прекрасным видом,
Идет джихад: спасая отчий край,
Быть может, станет весь народ шахидом.
«Сойдет ли свыше благодать
На этот бранный жизни остров,
Ведь продолжают погибать
Помимо братьев наши сестры?!»

Единственное, что я хочу добавить: «Песня о Хаве» стала гимном будущих шахидок. Именно на ней — на этой незатейливой песенке — растет и воспитывается новое поколение чеченских девочек, обиженных войной.

20 августа 2002 г.

Записываю в блокнот истории этих девочек и думаю о мужчинах. О роковом красавце Арби, перерезавшем глотки солдатам и рыдавшем вместе с покинутой женой сестренкой. Вот уж поистине бог и дьявол в одном лице.

Как легко запутаться, когда тебе 16–17 лет. И кто бы знал, что за первым в истории России терактом, совершенным женщиной-камикадзе, стоит несчастная любовь, наркотики и предательство мужчины.

История пишется другими чернилами. Здесь не место слезам и людским трагедиям.

Хава взорвалась, отец умер на ее могиле. Мать Луизы прозябает в нищете, торгуя на рынке в Ингушетии. Маленькая женщина, Бог его знает чем разгневавшая судьбу и потому потерявшая любимую младшую дочь.

— Это мое горе, мой позор. Что не уберегла, не удержала. Кому оно нужно, мое горе? Мою девочку убили — свои же, но чужими руками. Мое горе никому не нужно. Куда мне идти с ним?

Никуда. И некуда. Ее дочь после смерти назвали «защитницей своего народа»,

шахидкой, мученицей — только кому от этого легче?

И кто опять-таки скажет: ради чего она разорвала себя на клочки? И ради кого?

Информация к размышлению

История с Хавой не так проста, как кажется на первый взгляд. Вернувшись из Чечни, я побывала в ФСБ. На Лубянке как-то очень охотно рассказывали о том, что «в горах Чечни существуют базы для подготовки женщин-камикадзе». И «трофейную» видеопленку с предсмертной записью Хавы Бараевой дали, и об инструкторах-арабах поведали. Международный терроризм, мол, наглеет, теперь женщин учат взрываться и убивать.

Пришла домой, пересмотрела запись. Осталось какое-то неприятное послевкусие. Вспомнила о том, как в МВД Чечни, равно как и в сепаратистских кругах, говорили о том, что Арби Бараев работал на российские спецслужбы.

На телеканале ТВС об этом же самом сказал ведущий аналитической программы «Бесплатный сыр» Шендерович: «В отличие от Масхадова, которого во время последней антитеррористической операции ловили с собаками все наши спецслужбы, дядя нынешнего московского гостя (Мовсара Бараева, якобы возглавлявшего захват «Норд-Оста». — Авт.), знаменитый убийца и работорговец Арби Бараев все это время свободно передвигался по республике с документами офицера российского МВД... А один чеченский журналист пошел по следу. Как рассказала газета «Московские новости», этот журналист умудрился переписать номер федерального документа, дававшего Бараеву надежную крышу. Только проблемы со спецслужбами после этого возникли не у Бараева, а у журналиста».

На следующий день одного из акционеров канала Анатолия Чубайса вызвали в Кремль и пригрозили закрыть программу.

Вопросы без ответа: почему именно Бараев организовал первый в России теракт с использованием женщины-смертницы? Кто в России хотел перевести чеченскую войну на «палестинский сценарий»? Кто «заказал» Арби Бараеву начало истории «женщин-шахидок» в России?

«Позор, который можно смыть только кровью» — Айза Газуева

29 ноября 2001 года Айза взлетела на воздух в родном Урус-Мартане, метрах в ста от родительского дома.

— Я приехал домой вечером, отработав смену на стройке. Только зашел, разулся, как в дверь стучат.

«Твоя дочь взорвалась возле комендатуры!» Я ничего не понял. «Что вы несете?» — говорю. А мне отвечают: «Пойдем на опознание».

Мы с женой, перепуганные до смерти, подходим к комендатуре. Военные подзывают нас к какой-то кучке, мы приближаемся, а там... Они даже не накрыли ничем... — старый Ваха Газуев всхлипывает. — От дочки моей только голова и осталась. Волосы растрепанные, словно ветром их раскидало. Жена сразу в обморок упала. Ее в чувство приводили, а я пока доченьку в сумку складывал. Кроме головы осталось плечико и пальчик с ноготком. Я все сложил в пакет. Килограммов пять-шесть от Айзы осталось, не больше. И пошли мы с матерью домой... Я плачу, жена плачет, а Айза уже не плачет. Только голова и пальчик с ноготком от нее и остались...

29 ноября Айза Газуева обвязалась взрывчаткой и пошла к военной комендатуре. Прохаживаясь вокруг да около в длинной просторной одежде, она дожидалась приезда коменданта Гейдара Гаджиева. Как только он подъехал, Айза ринулась ему навстречу.

Гаджиев был с охраной, ему казалось, что нечего бояться молодой женщины — под окнами комендатуры они стояли дни напролет, требуя вернуть забранных мужей или сыновей.

— Одну минутку, — крикнула Айза, отталкивая охранников.

И — взрыв. Мощный хлопок, дым, крики, кровь. Айзу разорвало на куски, один охранник погиб на месте, тяжело раненного Гаджиева срочно повезли в госпиталь. Спасти его так и не удалось. Он скончался от ран в ростовском госпитале спустя двое суток.

Молодая чеченка сделала свое дело — она забрала с собой на тот свет заклятого врага, человека, ради которого она жила эти последние четыре месяца.

Но что же такого сделал Гаджиев этой красивой девушке, что она не пожалела ради его смерти и собственную жизнь?

Четыре месяца назад военный комендант Урус-Мартановского района, проводивший жестокие зачистки села в поисках вооруженных ваххабитов, забрал из дома Айзино мужа.

Они успели прожить вместе всего 7–8 месяцев. Молодые, безумно влюбленные друг в друга, они не могли прожить поодиночке и дня.

И вот зачистка. Забирают Алихана, мужа Айзы. Потом сами же военные нехотя признают: да, забрали по ошибке. К ваххабитам Алихан не имел никакого отношения.

Где не бывает ошибок? Разобрались да отпустили.

Но в тот раз все сложилось иначе.

Гаджиев, человек жесткий и решительный, действительно навел в Урус-Мартане порядок. Не щадил никого. Ваххабитское логово, которое славилось на всю Чечню, было почти раздавлено.

Но, как часто это бывает, наводя порядок, немудрено и дать маху. Гаджиев косил почти без разбора.

Вот и в тот раз, поняв, что парень не тот, кого они ищут, все же не стал его отпускать.

Война — здесь царит жестокость и беззаконие власти.

Алихана стали жестоко избивать. Искалечили так, что места живого не осталось. Но парень все еще жил.

То, что случилось потом, рассказали мне позже в МВД республики «под большим секретом». Разошедшийся Гаджиев приказал вызвать в комендатуру молодую жену.

Айзу привели. Увидев посиневшего мужа, она стала рыдать и умолять его отпустить.

Но Гаджиев... вспорол Алихану живот и, схватив Айзу за волосы, макнул ее в распоротые кишки.

...Он умер на ее глазах. Мучительно кряхтя и стоная. А она, 20-летняя Айза, умытая кровью мужа, так и не смогла ничего сделать.

Несколько месяцев потрясенная девочка пыталась как-то пережить произошедшее. У нее ничего не получилось. А тут еще — недавняя гибель брата.

— Незадолго до того, как ее мужа убили, убили и моего сына — Айзино брата. Он у нас с первой войны инвалидом был. На mine подорвался. Ему пришлось ноги отрезать, только чтобы он выжил, — гангрена началась. Так долго он дома сидел, несколько лет, ноги залечивал. Потом встал на костыли и стал у нас проситься погулять по селу. Весна как раз была, все так красиво было, деревья цвели. Мы его отпустили. Он успел дойти до автостанции... Там военные сидели... Они смеяться над ним стали: «Мало тебе ноги оторвали, куда ты еще прыгаешь?». И... Застрелили они его. В шутку.

Через четыре месяца, став вдовой, Айза взорвет себя возле военной комендатуры

Старый Ваха говорит тяжело, все время сбивается на чеченский и спрашивает моего спутника: «Она не делает нам ничего плохого? Зачем ей наше горе? Что она напишет?».

Тот успокаивает старика, говоря, что я пришла с миром.

— Ваха, Айза сильно изменилась после смерти мужа и брата?

— Очень сильно. Она стала вся какая-то темная, молчаливая. Но я с ней никогда ничего не обсуждал, у нас не принято, чтобы отец с дочерью говорили. У матери лучше спросите.

Мать живет в Ингушетии, в лагере беженцев. Там чеченцы могут заработать хоть какую-то копейку на хлеб.

Еду туда, но не застаю ее на месте. Вместо нее — сестра Айзы, длинноногая красивая девочка, не говорящая на русском, и тетка Яхита.

Изо всех углов выглядывает нищета. Девочка в дырявых носках. Из еды — только мука и вода, из которых собираются печь лепешки.

— Ох, вы знаете, как жалко девочку! — вздыхает она. — Ее горе кто-то использовал, кто-то обвязал ее взрывчаткой, кто-то надоумил. Как Алихана — мужа ее — убили, так она стала чернее ночи. Часто куда-то уходила, молчала все больше, все чаще стала говорить об Аллахе и рае. Молчит-молчит, а потом вдруг спросит: Яхита, как ты думаешь, Алихан в рай попал? Мы вздохнем и говорим: конечно, в рай, девочка, он же ни в чем перед Аллахом не был виноват, и мучения такие принял перед смертью. Она послушает, вроде успокоится, и опять о чем-то думает.

...Когда она разорвалась, мы сразу узнали имя человека, который ее надоумил на такое. Он, оказывается, появился сразу после смерти Алихана, стал ее уговаривать отомстить за мужа. Книжки ей давал читать религиозные, водил ее куда-то, где, видать, такие же несчастные собираются.

Как коршун он на нее набросился, когда все прослышали о том, КАК Алихана убили. Понял, видать, что такая пойдет теперь на все.

Она так мужа своего любила, если бы вы знали как. Они друг от дружки оторваться не могли. Молодые, красивые. И так все разбить...

Когда Гаджиев умер, этот человек получил 200 тысяч долларов.

Семья Айзы не получила и гроша — только оторванную голову.

...Но в тот момент, когда Айза пробивалась к коменданту Гаджиеву, она не думала ни о своей семье, ни о деньгах, которые она могла бы получить от людей, надоумивших ее на этот шаг.

Перед ее глазами стоял умирающий Алихан; то, как ее схватили за волосы и макнули головой в его горячую кровь.

Позор, который можно смыть только кровью врага. Горе, которое нельзя забыть. Любимый, к которому нужно спешить.

Вот что стояло за тем днем, когда прогремел очередной взрыв в Чечне и очередная женщина-камикадзе взлетела на воздух.

Из дневников

2 июня 2002 г.

Айза — кремень, от которого вспыхнуло пламя. Она мстила за убитого мужа, за растоптанную любовь, за разбитую жизнь — и мстила своему обидчику.

Меня восхитил ее поступок. Так же, как восхитил всю Чечню, где она стала настоящей героиней.

Да, она могла бы просто попытаться пережить свою боль и начать все с нуля. Могла бы во второй раз попытаться выйти замуж — в жизни всегда ведь можно устроиться, перевернув лист и забыв прошлое.

Могла бы, наконец, вскрыть себе вены и тихонечко умереть. Но она выбрала другой путь. Кровь за кровь. Не дрогнув, она соединила клеммы под складками платья, зная, что через секунду превратится в груды сожженного мяса.

Но другие... Они и был и другими. Молоденькие девочки гибли ни за что.

За пустую идею. За невидимого Аллаха. В их юные головы забивали всякую религиозную дребедень, их учили ненавидеть врага. А бывало и так, что ей, камикадзе, не оставалось другого выхода, кроме как, обвязанной взрывчаткой, с ужасом ждать, когда ЗА ТЕБЯ приведут в действие взрывной механизм.

И знаете, кто это делал?

Их возлюбленные.

По подобному сценарию развивался теракт в ОВД Старопромысловского района. Совершить его должна была 16-летняя Зарема Инаркаева.

«Я любила его, а он послал меня на смерть» — Зарема Инаркаева

(Интервью с чудом выжившей девушкой-камикадзе)

Вечер, около 15.00. Автомобиль с двумя мужчинами и молоденькой девушкой кружит неподалеку от здания районной милиции.

— Черт возьми, до сих пор его нет на месте.

Спусти еще час.

— Вот, подъехал, наконец!

Молодой мужчина поворачивается к девушке.

— Ты как?

— Мне страшно.

— Успокойся. Ну, давай, ты же смелая, я знаю, что ты сможешь, давай!

Он открывает дверцу, дает девушке тяжелую сумку, другой в это время достает видеокамеру.

— Смотри сумку держи только на плече, поняла? Я буду за тобой смотреть — смотри только не сними ее с плеча!

— Шамиль... Шамиль... — девушка готова вот-вот расплакаться. Глаза ее какие-то странные.

— Все. Прекрати. Иди.

И девушка послушно идет к зданию РОВД. Заходит в подъезд. Поднимается по лестнице. Ищет кабинет Заурбека Амранова. Наконец, когда ее перестало быть видно с улицы, быстренько стаскивает сумку с плеча и ставит ее рядом с собой. Останавливается. Не знает, что делать. Вернуться обратно — убьют, и она это знает. Сдаться — неизвестно, кто убьет — те или эти. Взорваться самой? Но...

В коридоре РОВД раздается оглушительный хлопок. Дым, женский крик.

— Дело сделано, — говорит мужчина в автомобиле, только что дистанционным управлением приведя в действие взрывчатку, лежащую в сумке девушки.

Он довольно смеется, выключает камеру. В этот момент он еще не знает, что девушка выжила, потому что сняла сумку с плеча. Не знает он еще и о том, что жив его враг, которого он собирался убить «живой бомбой», — девушка так и не зашла в его кабинет.

Взрывное устройство мощностью 17 килограммов тротила не сработало на полную мощь. Рвануло бы на полную катушку — разнесло бы здание РОВД в клочья.

Рвануло бы на полную катушку — от девочки не осталось бы и клочочка. Никто бы ничего так и не узнал.

Но она — 16-летняя Зарема — осталась жива. Бедро прооперировали, достали кучу осколков, но это что, главное — выжила. И стала рассказывать.

Когда я нашла ее и уговорила устроить с ней встречу, минуло уже четыре месяца с того самого дня, когда она должна была взорваться.

— Все началось задолго до этого. Шамиль Гарибеков за мной ухаживал. Улыбался, говорил, какая я красивая. А потом — это в декабре было — я как-то иду по улице, останавливается его машина, оттуда парни выскакивают и заталкивают меня в машину. Я и

опомниться не успела. Что я тогда подумала? Ну как что. Подумала: ну все, похитили, теперь женой буду. У нас ведь такое часто бывает, у нас такие обычаи.

Скрываясь от бывшего возлюбленного, Зарема несколько месяцев жила в УВД Грозного

Но я все равно плакать стала, потому что все было как-то неожиданно.

Потом меня привезли в какую-то квартиру, а там еще три девочки жили. Вот это меня и напугало. Девочки были со мной милыми, но все равно выглядели очень несчастными. Их так звали: Ася, Асет и Эльвира.

Я стала говорить Шамилю, что не хочу замуж, что маму надо предупредить, что вещей у меня никаких нет. Потом меня покормили, и я уснула. Мне так кажется, что они что-то в еду добавили, потому что у меня в голове все закружилось, руки-ноги стали тяжелыми и я уснула, хотя спать до этого не хотела.

Просыпаюсь — моя одежда уже здесь. Они ко мне домой съездили, сказали, что я замуж вышла, и мама им все отдала.

Я говорю: а когда к маме можно будет? А Шамиль мне отвечает: никогда, забудь про маму, ты теперь с нами будешь. Я плакала сидела, меня девочки успокаивали.

А потом вечером ко мне пришел Шамиль. И я с ним спала. Ну, как жена. Когда я плакала, его люди на меня кричали. А потом все чаще стали что-то в еду добавлять, какие-то таблетки мне давать, от которых так спокойно становилось. Даже как-то все равно. Я поняла, что мне отсюда не выбраться уже. Девочки, хоть и несчастные были, меня не выпускали, охраняли меня. Кто-то из парней все время почти дома был. Потом я стала еду готовить, стирать для всех мужчин, что в этой квартире жили, — а их было четыре человека.

Сначала обстирывала, потом стала спать с ними со всеми. Они так говорят: он мой брат, и сегодня я дарю тебя ему. Меня, думаешь, кто-то спрашивал, уговаривал? Зашел, дал по лицу, на кровать бросил — и все.

Я видела, что что-то с девушками не то происходит. Их закрывали в другой комнате и о чем-то уговаривали. Они отказывались. Кричали, говорили, что никогда это не сделают.

Я молчала. Так меня никто хоть не бил и не трогал. Я часто была сонная, вялая, они мне точно что-то давали. Мне уже все равно было, что происходит. У парней всегда много оружия было — и автоматы, и пистолеты, и гранаты. Мой — Шамиль — работал в милиции, поэтому я сначала и не подумала, что он ваххабит. Это потом он мне стал какие-то книжки давать читать — ваххабитские. Разговаривали они не при мне-то оружие брали и уходили, то что-то еще обсуждали.

Девочки — Ася и Асет — были женами других парней из этой квартиры. Они все чаще плакать стали, но при мне ничего не обсуждали. Один раз Шамиль «подарил» меня «главному», Халиду Седаеву. Наутро Халид что-то про меня сказал Шамилю. После этого Шамиль пришел ко мне, закрыл дверь и сказал, что у него есть для меня важное дело: какому-то товарищу отдать сумку. Я сразу поняла, что здесь что-то не чисто. Говорю: а почему ты сам не отдашь?

«Нет, — говорит, — нельзя, чтобы кто-то меня видел, как я буду ему отдавать эту сумку».

«А что в ней такого?»

«Не твоего ума дело. Ты просто зайдешь к нему в кабинет и скажешь, что для него просили передать. И все».

«А девочки почему плачут у себя в комнате? Ты их тоже просил, а они не хотят эту сумку нести?»

Он разозлился жутко. Сказал, что 5 февраля я должна буду это сделать. Я сказала, что не хочу никому ничего передавать. Он усмехнулся и сказал: «Сделаешь и никуда не

денешься».

В тот момент я подумала: убегу. А потом думаю: куда? Дома они меня сразу найдут и убьют. Куда бежать-то?

До 5 февраля оставалось несколько дней, меня возили на рынок за продуктами. Возвращаюсь, а девочек в квартире нет. У меня сразу какие-то предчувствия: что-то случилось. Хожу по квартире, и так страшно, так страшно! Говорю Шамилю: а куда девочки подевались? Он: уехали девочки, и надолго. А я же знаю, что никуда они не собирались утром ехать, ни словом со мной об этом не обмолвились, молчаливые, заплаканные утром были.

Мне плохо так стало. Я готовлю и плачу. Они, видать, поняли, что я начинаю тревожиться сильно, стали давать мне какие-то таблетки — «успокоительное», так они сказали.

Те несколько дней как в кошмаре прошли. Будто бы я спала на ходу. Голова жутко болела. Я ведь Шамиля раньше любила, он же со мной заигрывал раньше, ухаживал, я ведь думала, что все по-настоящему.

А этот день — 5 февраля, понедельник — был для меня концом. У человека есть день рождения, и он знает, когда он, и празднует его. А я словно знала день своей смерти.

С утра мы ждали того человека, которому я должна была передать сумку. Его все не было на работе. Шамиль психовал, ругался, мы кружили по городу, и я молила Аллаха, чтобы он подольше не появлялся. Это же были последние часы моей жизни. Я понимала, что в сумке что-то не то, она такая тяжелая была. Понимала, зачем они меня до этого на видеокамеру снимали, просили какие-то слова сказать. Что-то про Аллаха. Я уже ни живая, ни мертвая была. Бежать некуда. Смерть — и там, и там. Потому я, когда в РОВД зашла, все-таки сумку сняла с плеча и шла медленно, чтобы поменьше народу погибло вокруг.

Иду и думаю: сейчас! Вот сейчас! Интересно, я боль почувствую или не успею? И что от меня останется? И кто меня похоронит? Или вообще не похоронят — как убийцу. Как страшно, мамочка! Пока я думала, оно и рвануло. Шамиль в машине взрывчатку привел в действие.

Такой шум поднялся, крики, нога болит, кровь хлещет из меня. Но я-то жива! Милиционеры сразу поняли, что, если меня вывезти в больницу, меня там убьют. Я реву, пытаюсь что-то объяснить. Врачей мне прямо в милицию и привезли. Там меня и прооперировали — в отделении.

Потом перевезли под охраной в УВД, освободили для меня какой-то кабинет, кровать поставили, и вот тут я и живу уже четыре месяца. Потом мне сообщили, что Халед — тот, что приказал Шамилю послать меня, — подорвался на фугасе. А девочек тоже потом нашли — ножом изрезанных, изуродованных. Как мне сказал начальник УВД, их в Черноречье и в Старопромысловском районе в грязь возле свалки выбросили. То же самое и со мной было бы, если бы я отказалась нести сумку. Там же выбирать никто не дает, никто не спрашивает: хочешь умереть и убить других?

Какой выбор? Смерть — куда ни взгляни.

... Когда мы прощались, Зарема украдкой спросила меня:

— А можно я звонить тебе буду? Мне так плохо, даже друзей нет!

Я удивилась, но телефон написала.

С тех пор прошел год, но она частенько звонит мне и пишет. Признаться, мне тяжело с ней о чем-то говорить. Ну какие у нас общие темы?

Я знала, что после того, как ее выпустили из УВД, она уезжала в Астраханскую область — к тетке. Мать ее не приняла обратно — мол, «весь род опозорила». В астраханской деревне она долго не просидела — скучно, делать нечего, все вокруг чужое.

Поехала в Хасавюрт — город дагестанский, но граничащий с Чечней. Устроилась в кафе на трассе. Вроде как — официанткой.

Звонит мне:

— Юля, так страшно, за мной вчера приезжали какие-то люди в камуфляже, искали

меня, так я в подсобке пряталась. Убить, наверное, хотят.

Я ей:

— Зарема, что ты вообще делаешь в Хасавюрте, беги оттуда — в Астрахань, куда угодно. (Еще когда Зарема сидела в следственном изоляторе, ее «возлюбленный» предлагал три тысячи долларов охраннику, чтобы тот вывел ее во двор и дал пристрелить. Ведь Зарема — оставшийся в живых свидетель, всю банду выдала с потрохами, объявив тем самым на них охоту. Сами милиционеры при мне называли ее «сухой» — за то, что все же собиралась покрошить столько народу. Словом, выжившая Зарема имела немало желавших ее смерти.)

Через две недели звонит:

— Юля, знаешь, кто навел тех, в камуфляже, на меня? Мать. Они меня искали, и она сказала, где я. Так и сказала им: «Убейте вы ее в конце концов и не трогайте нашу семью».

Плачет. Отца родного нет, его — русского, кстати, — убили еще в начале войны. Мать вышла замуж во второй раз, родила еще одного ребенка начала «новую жизнь». Зеленоглазая Зарема — как бельмо на глазу.

Потом она стала звонить мне глубокой ночью.

— Привет, ты не спишь?

— Сплю, — честно признавалась я.

— А я нет. Мне так плохо, Юля, так одиноко, — и в трубке раздавался мужской пьяный смех.

Каждый раз она звонила мне с разных номеров, и каждый раз ночью, и каждый раз рядом слышался мужской смех.

Зарема стала проституткой.

Признаться, я понимала, чем дело может кончиться, еще тогда, в июне 2002-го, когда она сидела передо мной, броская, красивая, с округлыми формами — расцветающий цветок; женщина, отведавшая плотской любви и уже привыкшая «спать со всеми ними».

Последний ее звонок, месяц назад:

— Юля, мне страшно. Менты ко мне цепляются, забирают постоянно.

— За что, Зарема?

— Не знаю, за что, — раздраженно, в отчаянии отвечает она. — Всем от меня что-то надо. Козлы...

— Ты вообще где живешь?

— В кафе и живу. Сплю в подсобке. Еду мне дают. За это и работаю.

— А живешь на что?

Пауза.

— Да вот так и живу...

Я знаю это, да. И знаю, как низко с каждым днем падает эта яркая девочка. Но что я могу сделать? Остановить падение?

— Я любила его, а он послал меня на смерть. И что теперь? Во что верить? Чего ждать? Смерть — и впереди, и позади, и куда ни глянь, — расплакалась она в трубку.

Из дневников

26 января 2003 года Мне что удивительно? То, что Зарема не оказалось среди шахидок «Норд-Оста». Такими же точно мыслями поделился со мной один милицейский начальник в Грозном.

— Она должна была быть там! Ее просто должны были подобрать для использования в качестве смертницы: она не очень-то умна, доверчива, ее жизнь уже разбита. Таких они и вербуют.

— Ты знаешь, что она стала проституткой? — спросила я.

— Это было понятно. У нее уже ничего не будет после того позора. Хочешь, я попытаюсь угадать, что с ней станет? Ее подберут люди из джамаата, возьмут в жены, а

через пару месяцев отправят на смерть. И она пойдет! Сто процентов даю тебе, что пойдет. Она же будет женой, частью общины, ее там будут уважать — ведь ее никто никогда не уважал. И она пойдет — опять под таблетками, опять боясь, — но пойдет, чтобы не разочаровать тех, кто в нее поверил как в человека.

Пишу эти строчки в блокнот и думаю: а ведь так и будет. С разбитой в семнадцать лет жизнью, познавшую распутство и позор, не верящую в себя; ждущую от жизни только смерти, — ее не оставят в покое. В последний раз она говорила по телефону срывающимся голосом.

Девочка с алыми ногтями. С пустыми глазами. С тикающей бомбой внутри: механизм самоуничтожения уже работает. Где она сейчас, когда я пишу эти строки? Надо будет позвонить. Как старшая сестра — отзваниваюсь, кладу трубку и вздыхаю: пока жива.

Информация к размышлению

Такое ощущение, что кому-то в России, а может, и за ее пределами, очень нужно вывернуть ситуацию в Чечне наизнанку. Десятилетняя война, съевшая много миллионов долларов из российского бюджета, давно подошла к логическому завершению. Люди не хотят воевать, люди хотят мирно жить, и жить, замечу, в составе России. В Чечне есть правительство, есть Конституция, надежда на завтрашний день.

Но кто-то упрямо не хочет концовки.

Кто-то хочет оставить в России управляемый конфликт и управлять им, дергая за веревочки. Один из вариантов не дать загасить пламя войны — подсыпать углей и раздуть искру.

Войну в Чечне решено было перевести на «палестинский сценарий» для того, чтобы заявить о присутствии в России международного терроризма и начать бороться уже не с «чеченскими сепаратистами», а с международным терроризмом.

Придать этой «палестинской войне» новых красок решено было женщинами-шахидками. Потому что мужчины-чеченцы никогда бы не пошли на это в здравом уме и твердой памяти. В мире уже были случаи использования женщин в качестве «живых бомб»:

— Террористические организации Шри-Ланки («Тигры освобождения Тамил Илама»), Турции (Марксистская рабочая партия Курдистана), Палестины уже на протяжении почти 10 лет использовали женщин при совершении терактов.

— Женщина-смертница с взрывным устройством под сари подошла к премьеру Индии Радживу Ганди и взорвала себя (1991 год).

— Еще одна смертница подошла к президенту Шри-Ланки Ч. Кумаратунге (1996 год).

— В Турции затри года (последняя волна с участием смертников прошла в 1999 году) из-за подрывов девушек-камикадзе погибли 20 человек.

— В Иерусалиме (2002 год) студентка взорвала себя на дискотеке — 1 человек убит и 100 ранены.

— В Пакистане (2002 год) в редакции газеты взорвала себя женщина-смертница — 2 человека убиты.

Однако то, что произошло чуть позже в России, своими масштабами просто потрясло воображение. Предвидя бурную реакцию СМИ, чеченские сепаратисты решили устроить невиданное шоу с участием женщин-самоубийц. Такого количества. «живых бомб», как при захвате мюзикла «Норд-Ост», мир еще не видел.

Одетые в черное женщины с хиджабом на голове. Они называли себя шахидками, пришедшими мстить за мужей.

Это был страшный и незабываемый спектакль.

Что происходило за его кулисами, так и осталось тайной, которую шахидки — так, впрочем, и не взорвавшиеся — унесли с собой на тот свет. Никто так и не узнал, кем же на

самом деле были эти женщины и как они попали на это кошмарное представление.

Глава 2 Смертницы «Норд-Оста»: Срываем маски

Из дневников

5 февраля 2003 г.

Сижу в самолете Внуково — Магас. Прилечу в Ингушетию и — сразу в Чечню.

Как странно — лечу за две тысячи километров для того, чтобы познакомиться... с покойницами. С октября месяца я все планировала эту поездку, ждала, когда уляжется шумиха, когда приеду в Чечню, постучу в дверь и спрошу, наконец: «Почему ваша дочь искала смерти за тысячи километров?».

Их — убитых российским спецназом шахидок — было почти 20. Все молодые. Почти все — красивые. Зачем умирать?

...Чечня. Промозгло. Небо серое, тяжелое, словно вот-вот расплывется. На душе мерзко. Ноги промокли. Сижу в своей комнатке и строчу в блокнот. Ловлю себя на мысли, что вот-вот начну разговаривать — с НИМИ.

А пока задаю себе вопросы, которые висают где-то в воздухе и так там и остаются. Раскладываю черно-белые фотокарточки. Просто мурашки по коже. Женщины с фотографий смотрят и молчат. Словно прокричать хотят: «Посмотри, что с нами сделали! А мы жить хотели, жить — не умирать»...

«Тогда зачем же вы пришли убивать ни в чем не повинных людей? А ваши дети, родители — как вы могли их бросить?»

В масках и черных платьях, обвешанные взрывчаткой, окруженные снайперами, — не боялись ли вы? Не хотели одуматься и бежать?

Вы, молодые и красивые, дающие жизнь и дарящие любовь, почему вы бежали навстречу смерти с распростертыми объятиями? Кто или что толкнуло вас на это?!»

Я встаю и подхожу кокну. Уже темно. Ночь. Все прояснится завтра.

Райман Курбанова

Курбанова Райман Хасановна родилась 18 февраля 1964 года в селе Новотерское Чеченской республики. Жила одна с матерью, незадолго до «Норд-Оста» вышла замуж. Борец за независимость Чечни еще со времен Дудаева.

Райман, красивая чеченка с большими выразительными глазами и черными густыми бровями. После гибели ее фотографию с паспорта увеличивали до формата А4, чтобы вычислить, не она ли обладательница тех прекрасных миндалевидных глаз, что стояла рядом с Мовсаром Бараевым.

Неона. Она-другая. Взрослая женщина. Ничья не любовница, не вдова. Какие причины могли ее толкнуть в Москву, в ДК на Дубровке, где ее ждала смерть?

В Грозном я нахожу двоюродного брата Райман, 30-летнего Усмана. Он, по странной иронии судьбы, работает в чеченской милиции. Той самой, которую так ненавидела Райман. Ненавидела потому, что люди из джамаата ненавидят чеченскую милицию, считая всех чеченцев-милиционеров предателями, достойными смерти.

— Для меня шок, что моя сестра там оказалась. Шок, что она оказалась такой дурой. — Усман нервничает, достает сигарету и щелкает зажигалкой. — Нет, ну скажите, разве не дурой надо быть, чтобы самой пойти в западню. Она словно белое пятно на нашей семье. Я в милиции работаю, дядька мой в свое время возглавлял охрану Березовского. Мы все законники. Никто, я тебя уверяю, никогда не пошел погибать вот так, как она. Наубой.

Они же не могли оттуда выйти, они были обречены с самого начала. Она же взрослая была, кто мог ей так запудрить мозги? Кому она могла так верить, чтобы пойти туда?

— Усман, расскажи о ней. Она вдова? Знаешь, у нас объявили, что все шахидки — это вдовы, пришедшие мстить за своих мужей.

Он горько усмехается.

— Вдова... За пару месяцев до «Норд-Оста» она вышла замуж. Второй раз, правда.

— Значит, вдова...

— Ее первый муж жив. И тебе, и мне бы быть такими живыми.

Райман он выгнал из дома, после того как несколько лет с ней прожил. Детей у нее не было. Не могло быть. А у нас за это запросто могут жену выгнать. Вот она и маялась, по врачам, по бабкам бегала. Все без толку.

У нее, наверное, после того какой-то сдвиг произошел. С начала девяностых она на каждый митинг ходила. Кто ей скажет, что там митингуют против войны, она бегом туда.

У нее всегда при себе транспарант «Нет войне!». Она жила этим, можно так сказать?

Активистка комитета за прекращение войны. С ней говорить о чем-то другом было сложно. Вот ты спрашиваешь, был ли у нее мотив для мести. Ты знаешь, что у каждой женщины Чечни есть личный мотив. В каждой семье во время войны были похороны. Война эта — одни нескончаемые похороны. На твоих глазах кого-то убивают, кого-то увозят без суда и следствия. И наша семья не была исключением.

Финал «Норд-Оста»

Райман — она такая была, за все всегда переживала, ей все всегда надо было. Люди есть такие, они чужую боль как свою воспринимают. Вот Райман такая была. Война — ее болью была. За эти десять лет, что идет война, менялись названия комитетов, партий, движений, власть менялась. Райман не менялась. Кто ее позовет митинговать против войны, она пойдет. Не важно с кем, понимаешь? Одна цель — значит, друг, товарищ и брат.

— Но она ведь понимала, что идет не на митинг.

— Я знаю Райман. Никогда бы она не пошла туда умирать по своей воле. Она войну хотела остановить, она хотела что-то сделать для своего народа. Может, мечтала стать героиней национальной, знаешь, такая чеченская Жанна д'Арк.

— И умереть за свой народ...

— Нет. Она не шла умирать. Она не хотела умирать. У нее осталась старая больная мать. Они вдвоем всю жизнь прожили. Мать и Райман. Все. Мать — это единственный человек, ради которого ей стоило жить. Она не могла ее бросить одну на произвол судьбы. Я знаю Райман, мать — это все, что у нее осталось. А у матери — Райман.

— Но ты говорил о том, что она вышла замуж незадолго до этой операции.

— Да, но знаешь, кем был этот человек? Он — оттуда. Человек из джамаата. Вот куда ее затащило на почве этой ее идеи. Смотри, ей было под сорок. Она не могла выйти замуж после той первой попытки. Она не могла иметь детей. И вот эти люди, оттуда, ее признают. Берут ее в жены, она становится частью этого общества. Она пойдет за своим мужем куда угодно. Ее замужество — это признание ее как женщины, как человека, понимаешь? Для чеченки очень важно быть замужем.

Замуж вышла, через два месяца всем возвращает свадебные подарки. За пару недель до «Норд-Оста» все это было. Всем все вернула.

— Что это означает?

— Знала, что предстоит какая-то серьезная акция, что может все закончиться тем, чем и закончилось. Она, конечно, надеялась выйти; оттуда, но была предупреждена, что,

может, придется погибнуть.

У них так принято — человек перед смертью возвращает все долги, подарки. Прощается.

— Значит, она знала, куда идет.

— Она не знала ничего ни про «Норд-Ост», ни про захват заложников, ни про эти костюмы дурацкие, которые на них надели. Про Москву, я думаю, ей сказали накануне поездки. Насчет «Норд-Оста» — накануне, когда они уже были в Москве. Она знала только, что они должны будут сделать что-то такое, что остановит войну. Что будет очень серьезная операция. В детали они посвящены не были. Единственное, что я знаю, это то, что им были обещаны деньги и выезд за границу. Если им удастся выйти оттуда живыми...

Коку и Айман Хаджиевы

Хаджиева Айман Вагетовна родилась 26 июля 1974 года в селе Теплые Ключи Катарского района Ростовской области. С 1995 года проживала со своей матерью в селе Старая Сунжа Чеченской республики.

Хаджиева Коку Вагетовна родилась 9 апреля 1976 года в селе Кичкино Ростовской области. В 1995 году переехала с село Старая Сунжа. Жила вместе с матерью и старшей сестрой. При себе имела карточку метро — последняя поездка датирована 22 октября.

21 час 39 минут.

Там, на «Норд-Осте», скрываясь под черными одеждами и паранджой, были две женщины, в которых текла одинаковая кровь. Две родные сестры.

Удивительно: они отнюдь не молоденькие девочки, которые шли погибать ради Аллаха. Они взрослые женщины, которые уж наверняка сто раз подумали, прежде чем согласиться на такое. Коки 26 лет, Айман 28 лет. Черноволосые, темноглазые. Обе они погибли. Выстрелы в голову. Изможденные лица. Конец.

Я еду в село, где находится их отчий дом.

Кирпичный дом за зеленым металлическим забором. Зима никак не договорится с весной, на дорогах тает снег и бегут ручьи.

Захожу во двор, пустой, с асфальтной дорожкой. Стучусь в дверь. Дверь распахивается, на пороге стоит пожилая женщина. Голубой платок, из-под которого выбиваются седые пряди.

— Вы Хаджиева?

— А вы кто?

Она бегло оглядывает меня и моих спутников — военных людей с оружием. На чеченском о чем-то их спрашивает. Беспокоится.

Младшая — Коку

— Ваши дочери... — пытаюсь я как-то начать разговор.

Она резко обрывает:

— Они в Турции, вышли замуж, уехали, я ничего о них не знаю.

Я растерялась. Слишком расхотелась ее бойкая, уверенная речь с потерянным видом матери, убитой горем.

— Нет, ваши дочери не в Турции, — приходится оборвать ее. — Ваши дочери были на «Норд-Осте». Разве вы об этом не знаете?

— Какой «Норд-Ост»? — с тревогой спрашивает она и смотрит в упор, словно пытается прочесть мои мысли где-то в затылке.

«Кто ты? Что тебе нужно?» — серые потухшие глаза сверлят меня насквозь.

— Ваши дочери, Айман и Коку, были на «Норд-Осте», они участвовали в захвате заложников, и вы уже об этом знаете, так как еще осенью ФСБ подробно вас об этом допрашивала, — я говорю немного резко, но точки над «i» приходится расставить сразу, чтобы меня не выгнали за ворота, сказав, что все это — клевета.

— Пройдемте в дом, — говорит она.

Я разуваюсь, прохожу в комнату, сажусь на краешек дивана. Горшки с цветами на подоконнике, упаковки лекарств на столе, и первое, что поражает меня: чемоданы.

Упакованные чемоданы — на шкафу, за диваном, у входной двери. Похоже, хозяйка готовится к отъезду. В воздухе висит какая-то малопонятная тревога. Выжидание. Все молчит, словно знает какие-то страшные вещи, о которых гибельно говорить вслух.

И вот передо мной сидит полная пожилая женщина с распухшими синими венами на ногах. Женщина, у которой очень странные глаза. Погасшие. Набухшие слезами, которые она, видимо, проливает только ночью, чтобы никто их не видел.

Она говорит тихо, словно заранее выученную речь. Эмоций — ноль.

— В конце лета мои дочери вышли замуж. Айман пришла и сказала: мама, я замуж выхожу. Все вещи свои забрала и ушла. Коку? То же самое, замуж она вышла, с Айман разница была месяц где-то. Обе ушли из дома, одну меня оставили. Потом пришла Айман и говорит: мам, я в Турцию поеду за товаром, надеюсь, что все получится. Мне обещали помочь с поездкой. Денег можно заработать. И все, в начале осени она так приходила, потом, видно, уехала, и я ничего о ней не слышала.

— А Коку?

— У нас обычаи такие: если дочь выходит замуж, они живут своей жизнью. Мать не лезет. Они сами по себе. Живут в мужниной семье. И я с ними поругалась: года не прошло, как мой муж умер, траур у нас, а они замуж повыскакивали. Отрезала я их от себя. Но в то, что они там были, я все равно не поверю. Мало ли что говорят. Где доказательства, что они там были? Что их убили? Это все слова...

— У вас есть фотографии ваших дочерей, хочется взглянуть, какими они были. На вас похожи?

Она быстро подводит черту под нашим разговором:

— Они забрали все свои фотографии, даже детские. Все забрали свое. Ни вещички, ни фотографии не оставили.

О чем можно говорить с матерью, которая «отрезала» от себя родных дочерей?

Она провожает меня до двери. Со двора вбегает мальчишка лет десяти.

— Он сын Ко...

— Мой сын, мой последний сын, — так же резко обрывает она мою мысль.

Я уезжала, глядя на седую женщину, рядом с которой стоял худенький черноглазый мальчонка. Как странно смотрелись они, грузная пожилая женщина и этот юркий мальчишка. Неужели и вправду ее сын?

Она смотрела вслед моей отъезжающей машине, словно хотела удостовериться, что я уезжаю и больше не вернусь.

Я не смогла забыть ее. Ее странный взгляд, от которого становилось как-то неуютно. Глаза, из которых даже слезинки не упало, когда ей говорили о ее убитых дочерях. Чемоданы в комнате — значит, она спешила уехать. От чего и куда она бежит?

На следующий день я получаю удивительную информацию: Хеда Хаджиева, мать двух сестер, должна уехать в Баку, где получит завещание — обещанный гонорар за поход дочерей в Москву.

Айман после всего

Хеда Хаджиева должна получить за своих дочерей несколько десятков тысяч долларов.

Мало того, я узнаю, что сестры Хаджиевы были не совсем здоровы, что одна из них была неизлечимо больна туберкулезом. Вы понимаете? Она все равно должна была умереть. Ей не было большой разницы, КАК и ГДЕ умереть.

Но и это не все. Мои источники сообщают мне о том, что мать знала, КУДА едут ее дочери.

Мне не хочется в это верить. Как мать может разрешить своему ребенку идти на гибель? Нет, этого не может быть. Просто потому, что не должно быть.

Но... Потухшие глаза, руки, теребящие платок в руках, чемоданы, черт бы их побрал, которые стояли по всему дому!

Я еду к ней во второй раз. Стучусь. На этот раз, едва только увидев меня на пороге, она раздраженно восклицает:

— Что вам нужно от меня?

Нервничает, боже, как же она нервничает!

— Хеда, я привезла вам доказательства того, что ваши дочери там были. Посмотрите, они ли это?

Она секунду смотрит мне в глаза, смотрит зло, не понимая, что же мне нужно от нее.

— Проходите.

Я растерянно оглядываюсь по сторонам. В это невозможно поверить! В доме уже нет мебели, даже половики на полу; только старый диванчик, рядом с которым все те же упаковки лекарств.

Из дома были вывезены ВСЕ вещи, хотя прошло не больше трех дней!

Замечаю валокордин: значит, она все же не так спокойна, какой пытается казаться. Ее сердце не находит покоя. Материнское сердце, которое никогда не обманешь.

Мы садимся на диван.

— Хеда, да вы, что ли, ремонт затеяли — никаких вещей, — как бы невзначай говорю я.

— Уборку затеяла, давно пора было, — также невинно отвечает она. «Хороша уборка, все чемоданы и мебель незаметно вывели», — усмехаюсь я про себя. И резко перехожу к сути:

— Хеда, чем была больна ваша дочь? — в лоб спрашиваю я. — Чем она таким болела, что ее нельзя было вылечить?

— Откуда вы знаете? — вырывается у нее.

Хеда рассказывает, что Айман (старшая) «болела на голову». Мучилась сильными болями, делала рентгеновские снимки. Но что это было, она, конечно, не знает.

Ничего не знает. Не интересовалась. Не спрашивала. Мать — у дочери. Хорошо, Хеда...

Я достаю папку с документами. В ней — ксерокопии паспортов, изъятых у убитых. Фото: трупы ВСЕХ убитых террористов. И — отчетливые дыры от пуль, коими прошиты лица — и Коку, и Айман.

Видели бы вы ее руки! Как задрожали они, как брызнули слезы из ее глаз. Как стала она закрывать рукой рот, чтобы не были слышны ее рыдания и протяжный вой.

Вот они, ее девочки, такие беззащитные, с полуоткрытыми ртами, с изуродованными пулями лицами. И Айман, и Коку.

— Газ, да? — спрашивает она меня, указывая на открытые рты. — А тела их вернут, чтобы похоронить? А почему они их убили? Зачем убили? Всех-убили?

Все она знает, и про газ, и про расстрелянных дочерей. И про то, где они были. И куда собирались.

Вот она, прорывающаяся плотина. Сжатой в кулак боли. Отчаяния. Страха.

— Кто их предал, Хеда? — тихо спрашиваю я.

Она закрывает лицо руками.

— Расскажите, какие они были. Ну, там, в другой жизни, до этого.

Она начинает говорить. Про Айман, нелюдимую и замкнутую, которая до 28 лет сидела дома, выходя только на работу в швейное ателье. Про то, как они жили в Ростовской области, как держали баранов, как переехали сюда, в родную Чечню, где им дали этот дом — «поближе к городу». Но и здесь продолжали трудиться не покладая рук, потому что они — рабочая семья.

Ни Коку, ни Айман не могли выйти замуж. Но «девочки они были хорошие, мать во всем слушались (вот, значит, как!), по хозяйству помогали».

Маленькое отступление: и Коку, и Айман за двор особо носу не показывали еще и потому, что... не совсем здоровы были. В местной больнице мне сказали, что о них все расскажет невропатолог, «они по его части». В больнице их все знали. И когда я спросила про них, то нарвалась на грубые слова — «истерички проклятые».

У Айман дела были совсем худы. После «Норд-Оста» из астраханской психлечебницы пришел запрос, не их ли пациентка числится в списках «террористов».

Она. Та самая, которую мучили сильные головные боли и беспричинные истерики.

А у Коку были проблемы с легкими. Вот и сидели они обе дома, с матерью, потому что их никто не брал замуж. В 28 лет в Чечне не вышла замуж — значит, записывайся в старые девы.

Несчастные женщины. Не совсем здоровые. С бесперспективной личной жизнью. Что ждало их?

И вот их находят люди из джамаата. Им говорят, что они — высочайшее творение Аллаха на земле, их берут в жены. Коку — парень из дагестанского джамаата, Айман — из грозненского. Они теперь не одни, они часть общины, где все друг другу братья и сестры. Их любят. Уважают. Признают.

Реальность — разбитая, неприкрашенная, с сильными головными болями, отсутствием мужа и детей, простого женского счастья — обретает смысл.

Она наполняется Сунной и Кораном, молитвами и уверенностью в каком-то особом предназначении на земле.

Осенью 2002 года психически нездоровая Айман и мучающаяся легкими Коку узнают об этом предназначении.

Они должны остановить войну. Войну на родной земле, которая выпила все соки, которая замучила, умыла кровью каждого.

Тут надо немного оговориться. Согласие участвовать в этой спецоперации сестры дали по разным причинам.

Коку была вполне вменяема, вполне нормально выглядела, она, в конце концов, недавно вышла замуж. Она согласилась на этот рискованный поход из-за денег. Она обсуждала это и с мужем, и с матерью. В конце концов, деньги были весьма немалые, и это был единственный шанс устроить жизнь по-другому. Уехать в Турцию или Азербайджан, купить там жилье, отложить какую-то сумму и жить себе тихонечко в свое удовольствие.

У Айман все было по-другому. Во-первых, ее уговорила мать. Во-вторых, она была нездорова. Ей, как женщине неуравновешенной, нужны были враги — те, кто виноват во всех бедах и кто должен понести наказание за это. Это вам объяснит любой психиатр.

Ей нужны были и друзья — для внутренней самозащиты. Айман очень важно было чувствовать себя КЕМ-ТО. Быть среди единомышленников, союзников, у которых есть общая цель, идея. Не забудем, что ваххабиты в Чечне ведут подпольный образ жизни. Они все — часть единого целого. И знание того, что они не одни, помогает им выжить в этом сложном мире человеческих взаимоотношений.

Ей важно было знать, что они — несчастные — будут счастливы в другом мире. А те, кто жирует и празднует здесь, — будет проклят там, так говорил ей учитель. А лучше,

если он и здесь пострадает. Также, как она...

Вы понимаете? Айман нужно было куда-то излить свою агрессию. Кому-то отомстить за свою серую жизнь. Именно о ней будут вспоминать заложники как о самой агрессивной и злой женщине, впадающей в истерику при виде... нежного и трогательного отношения мужей-заложников к своим женам-заложницам.

Ее агрессия не объясняется одним лишь сумасшествием. Я не могла в это поверить, когда узнала. И не могу проверить и сегодня. Это знает только Хеда Хаджиева и патологоанатомы.

И Коку, и Айман были... беременны. И поэтому Айман просто сходила с ума там, в зале ДК, зная, что эти — выйдут, а она, и муж ее, и ребенок — обречены. Все только начиналось и уже должно было погибнуть!

Как больно, как страшно было им в последние часы перед штурмом, когда уже почти все понимали, что надежды нет.

Как жестоко обошлись с ними — и с Коку, и с Айман! Их взяли в жены, сделали им детей — и отправили на «Норд-Ост».

Умирать.

Дали надежду — и отобрали.

Они же не могли и подумать, что их так обманут свои же джамаатчики: им обещали выход.

...Плачущая сегодня передо мной Хеда сама провожала дочерей в Москву. Коку и Айман. Она благословила их. Послала родных дочерей умирать, — спокойно, уверенно, — получив с них на всякий случай завещание на несколько десятков тысяч долларов. Хеда наверняка понимала, как велик риск. Как малы их шансы на возвращение.

Интересно, дрожали ли ее руки тогда?

Секимат (Зара) Алиева

Алиева Секимат Увайсовна родилась 2 января 1977 года в Казахстане. Вернулась с родителями в Чечню, в паспорте указан адрес регистрации: ул. Садовская, 132. Адрес недействителен. Некоторое время проживала в Баку.

Тонкие черты лица, аристократичная внешность. Какая-то утонченность, воздушность. У этой девочки, уже расстрелянной, нашли при себе документы на ассистента кафедры актерского мастерства Чеченского государственного университета.

Адрес — разбитый еще несколько лет назад дом. Приезжаю, а передо мной — руины.

Поэтому, чтобы найти хоть какие-то следы, еду в университет. Разбитые корпуса. Грязь. Симпатичные девушки-студентки и мрачного вида юноши.

Иду в деканат, дожидаюсь в приемной ректора своей очереди. Мое журналистское удостоверение пугает и вызывает у окружающих много вопросов.

Прохожу в кабинет ректора. Седой европейского вида чеченец — Алауди Хамзаев. На столике тут же появляются чайные чашки. Улыбки и вежливое знакомство. Решая не ходить вокруг да около, сразу достаю досье на двух девушек, в том числе и на Секимат Алиеву.

— Эти девушки имели при себе удостоверения ассистенток кафедры актерского мастерства вашего университета. И вот ваша роспись на них. Хотелось бы прояснить — точно ли такие люди у вас работали, знакомы ли вы с ними.

Улыбка у ректора вмиг сходит с лица.

Он внимательно разглядывает снимки и говорит, что этих девушек он видит в первый раз.

— Я знаю весь педсостав, но этих девушек вижу в первый раз, это абсолютно

точно. А подпись... Подделать документы вместе с росписью — плевое дело.

Надежда тает. Еще один след оказался ложным, еще одна безымянная девушка с фальшивыми документами, еще одно неопознанное, неузнанное лицо.

— Можно на всякий случай поговорить с кем-нибудь из преподавателей факультета, вдруг они все-таки учились там, вдруг их хоть кто-то знает? — умоляюще прошу я.

Ректор на секунду мрачнеет, очевидно взвешивая «за» и «против»: непонятная журналистка, непонятные нити, ведущие в его университет, непонятные документы, бросающие тень на него самого.

— Пригласите кого-нибудь с кафедры актерского мастерства, — неожиданно просит он по внутренней связи.

— Вы знаете, сразу после «Норд-Оста» приходили люди из ФСБ, у них точно такие же бумаги были, как и у вас. Мы сказали, что таких людей мы не знаем, что у нас они никогда не работали. Они после этого ушли и не возвращались.

Мне намекают на то, что ФСБ удовлетворил их ответ, а меня вот почему-то нет.

Дверь открывается, в кабинет входит невысокая молодая женщина.

— Хейди, тут корреспондент интересуется, работали ли у нас когда-нибудь вот эти две девушки, — он кладет перед вошедшей женщиной фотографии.

— Нет, никогда, — категорично отвечает она. И вдруг; совершенно неожиданно для всех: — А вот эту девушку я знаю. Она училась у нас, я ее очень хорошо помню.

Получается маленький конфуз. Хейди мне позвали лишь для того, чтобы подтвердить то, что эти люди никакого отношения к университету не имеют. И вот что из этого получилось.

Раздосадованный ректор отдает мне Хейди, ассистентку кафедры, на растерзание. Мы идем в ее кабинет.

— Секимат я хорошо знала, очень способная девочка. Правда, звали ее все Зарой, так уж повелось. Но по паспорту она Секимат, да.

— Давно она выпустилась?

— В 1998 году. Очень сложный выпуск был. Точнее, не выпуск, а предыдущая учеба. Война, бомбежки, а мы разучиваем пьесы и репетируем. Театр посреди войны. Но Зара очень прилежная была, никогда не пропускала занятий, скромная, правильная. Талантливая...

— Извините, а как она одевалась? Платок?

Хейди сразу понимает, что я имею в виду: женщины-ваххабитки носят закрытые платки, не просто завязывают их узлом сзади, поверх волос, а буквально прячут лицо в нем. Видели, как ходят женщины в Афганистане? Вот и чеченки, исповедующие ваххабизм, носят платок точно так же, укутывая лоб по самые брови.

Уникальное фото из старой грозненской газеты: Зара Алиева (4-я слева) на выпускном спектакле

Но вернемся к нашей беседе с Хейди.

— Да, она носила платок. Длинное платье, да. Но одеваться она так стала только последние два года. До этого она была совершенно обычной современной девушкой. Кстати, она училась вместе с родным братом у нас. Мовсар, так его звали. Тоже очень скромный, набожный мальчик.

...Война сделала Зару (будем звать ее так) очень религиозной. Она заканчивает учебу и несмотря на то, что подавала большие надежды как актриса, в театре не остается.

В 1999-м начинается вторая война. Брата Мовсара — ваххабита — убивают. Зара тяжело переживала его гибель, он был для нее самым близким и любимым человеком. У

Зары начинаются боли в сердце, неотступные и мучительные.

Ее следы на какое-то время теряются. Я узнаю, что за это время она ездила лечиться в Баку, вроде бы вышла замуж, а потом в Баку она даже жила.

Но Зара, прилежная и скромная девочка, переехала в Баку неспроста. И ее лечение, и ее жилье — все оплачивали люди «стой, другой стороны». Она выполняла определенные поручения, жила в этой общине, она стала ее частью. Зара была очень религиозной, и родную семью ей полностью заменила ваххабитская община.

Сломленная войной, потерей брата, нищетой в семье, Зара влилась в эту систему. И уже перестала принадлежать самой себе.

И вот октябрь 2002 года. Зара — одна из немногих, кто представлял себе смертельную опасность этого мероприятия. Она не жаждала умереть, но была готова к этому.

Умереть, погибнуть, но — не взрываться!

Она должна будет участвовать в опасной спецоперации, которая вынудит российского президента пойти на уступки и начать мирные переговоры. Кто бы только знал, как она устала от войны!

Она знает, что за этой операцией стоят влиятельные люди из Москвы, которые обещали, что ничего страшного не произойдет.

А она, Зара, никого убивать не собирается. Просто наденет костюм, закроет лицо и будет играть смертницу. Ей не впервой играть.

Я не знаю, понимала ли она, что это — капкан. Что в капкане их всех будет ждать смерть.

Ей было 25, не совсем молода и глупа, чтобы не осознавать, насколько велик риск. Так зачем же шла на убой?

Ответ страшен и прост: она просто выполняла возложенные на нее обязательства.

Вы не верите, что у нее не было выбора? Я попытаюсь вам объяснить.

Представьте, что вы являетесь членом секты или какой-нибудь подпольной революционной партии. Строгая иерархия, идеологический фундамент, отчисления в общий фонд. Ты отдаешь, ты получаешь. Тебе дают — с тебя требуют взамен. Ты винтик этой системы, и сказать «нет» в тот момент, когда пришла твоя очередь платить по обязательствам, ты не сможешь. Ты же клялся, что пойдешь до конца...

Не позволили сказать «нет» и ей. Еще в Баку ей объявили о готовящейся спецоперации и о том, что она должна будет в ней участвовать. Ей сделали фальшивое удостоверение, посадили в автобус, дали сопровождающего, встретили по месту прибытия. А потом отвезли на место назначения. Все очень просто. Она даже не могла сбежать.

Несостоявшаяся актриса оказывается в центре Москвы, в театре.

— Как все зловеще, — говорит мне Зарина преподавательница. — Какая страшная судьба: умереть на сцене.

Мы сидим в крохотной комнатке общежития Гудермесского драмтеатра. В соседней комнате играет магнитофон. Я замираю.

Неверие владычит на земле,
Для праведных существованье — плаха,
И свыше зов вменяется тебе:
Сражаться гордо на пути Аллаха!
Навечно будут райские сады,
Ты в этом бренном мире будь как странник
И жизнь свою джихаду посвяти,
Восстань, судьбы воинственный избранник!
Ближайшая грядущей жизни рознь
И тленный мир — не уподоблен раю,
И смутно, очутившись в мире грез,

Мы бренность этой жизни понимаем...
Предписаны деянья и судьба:
Шахидам — рай, неверным — пламя ада.
Забудь печаль и истине внимай:
Нас ждет дорога светлая джихада.
Навечно будут райские сады,
Ты в этом бренном мире будь как странник
И жизнь свою джихаду посвяти,
Восстань, судьбы воинственный избранник!
Пред Господом предстанешь в день суда,
На зов трубы восстанешь ты из праха,
И распахнутся райские врата,
Сады блаженства — высшая награда,
И нежным звоном райская река,
Прекрасных гурий шепот сладострастный,
Исчезнет вдаль мирская суета,
Шахид, печалям здесь ты неподвластен.
Навечно будут райские сады,
Ты в этом бренном мире будь как странник
И жизнь свою джихаду посвяти,
Восстань, судьбы воинственный избранник!

В соседней комнате играют дети, гоняясь за облезлой кошкой. Кассета на этом не заканчивается, начинается следующая песня о шахидах. Я недоуменно смотрю на Хейди.

Она смущается.

— Эти песни, они ничего такого не значат. У нас их все слушают, даже дети. Война, тяжело, люди хотят во что-то верить...

Мы вместе вздыхаем, поеживаемся от страха и еще какого-то непонятного зловещего чувства.

— А вы знаете, что о нашей Заре даже в газете писали? — спрашивает меня Хейди и, роясь в каких-то чемоданах, достает старую, пожелтевшую от времени газетку. — Это вам на память о Заре.

Листаю странички. Спотыкаюсь взглядом о старый черно-белый снимок: дипломный спектакль Зары Алиевой. «Женитьба» Гоголя. Вот она, хрупкая девушка, стоит на сцене перед последним поклоном зрителям.

Пробегаю глазами заметку и вздрагиваю. Кто сидит в первом ряду? Кто принимает спектакль, кто аплодирует способной девочке-актрисе?

Ахмед Закаев, который, по слухам, очень неплохо знал Зару Алиеву.

Он всегда патронировал факультет актерского мастерства в Грозненском университете. И не мог не приехать в трудный год на дипломный спектакль выпускников — нескольких (да, до выпуска дошло всего несколько человек!) отчаянных актеров, которые репетировали, когда на город падали бомбы.

Я опять удивляюсь дорожкам судьбы, которые иногда сплетаются в такой фантастический узор, что можно лишь вздрогнуть, как от сквозняка, пробирающегося по спине: «Случайность или рок?»

Рок, от которого никуда не убежать?

Зара Алиева пять лет училась актерскому мастерству, чтобы потом, спустя еще пять лет, сыграть роль, которая потрясет весь мир.

Она надела черную паранджу, черное платье и трое суток играла страшную, очень сложную роль, от которой могло не выдержать сердце.

...Я прощаюсь с Хейди, спускаюсь по лестнице, блуждаю коридорами драмтеатра и наконец выхожу на улицу. Сыро и дует какой-то колючий ветер. «Ты в этом мире будь как

странник...» — гудят в ушах строчки услышанной песни.

Зара, значит, так ты думала?! Значит, вот чему верила? И тогда, когда ехала в Москву, тоже, наверное, слышала эти заунывные строки, которые невозможно выбросить из головы?

Я бреду к машине и отчетливо вижу ее, худенькую и маленькую актрису. Вот семнадцатым днем октября она садится в автобус Хасавюрт — Москва. Ей остается жить еще 10 дней. Пусть она в последний раз взглянет на желтую листву, на осеннюю грязь под ногами, пусть в долгой дороге она вспомнит свою жизнь. Своего брата Мовсара, который в ее мечтах смеется и улыбается, он еще живой, юный и веселый. Свою мать. Свой первый спектакль, когда у нее дрожали коленки. Свой выпускной, когда казалось, что жизнь — долгая и прекрасная — только начинается.

Зара Алиева, сыграв свою роль в «Норд-Осте», оказалась в морге

А сегодня она боится, и ее ладони то и дело пробивает холодный ток. Вдруг все закончится, так и не начавшись? Вдруг она никогда не вернется из этого чужого города, куда мчат ее колеса?

Она смотрит на закрытые двери автобуса, на людей, которые ее сопровождают, на дождь, который стекает по стеклу, и понимает, что выхода нет.

Асет Гишлуркаева

Гишлуркаева Асет Вахидовна родилась 15 августа 1973 года в селе Ачхой-Мартан Чеченской республики.

Дом взорван российскими военными.

Асет была вдовой. А еще она была матерью маленького ребенка, за несколько месяцев до теракта на Дубровке вышла замуж во второй раз за человека из джамаата.

В ее жизни, сложной и безрадостной, наполненной бомбежками и похоронами, было очень мало светлых пятен. Она искала успокоения в религии. Она устала от войны. Она так отчаянно пыталась остановить войну, что зашла слишком далеко.

Туда, откуда не было выхода.

...Когда случился «Норд-Ост», ее дом взорвали в первую очередь. Мать, пытаясь объяснить произошедшее, сказала, что ничего не знала о случившемся. Дочь якобы сказала ей, что едет в Ростов на лечение в НИИ акушерства и педиатрии.

Паспорт Асет Гишлуркаевой после штурма оказался залит кровью

Последнее фото Асет

Но как только дом взорвали, мама Асет вместе с внуком уехала в Азербайджан. Именно там, в Азербайджане, все родственники террористов должны были получить обещанные деньги за «Норд-Ост» и жилье.

Печальный вывод: мать Асет уехала в Азербайджан, потому что знала, что нужно ехать именно туда, и, получается, врала, когда говорила, что не в курсе, куда собиралась ее дочь.

Впрочем, ввали и все остальные родители...

Асет ехала в Москву не автобусом Хасавюрт — Москва, как большинство террористов. Ее вербовали и отправляли в столицу другие люди. И — другим маршрутом: Назрань (Ингушетия) — Питер — Москва. В Петербурге она жила почти месяц, морально готовилась к тому, что должно было случиться. Жила не одна, с двумя мужчинами, одной женщиной и маленьким ребенком. А за пару дней до «Норд-Оста» кураторы отвезли ее в Москву.

Малижа Мутаева

Мутаева Малижа Даудовна родилась 3 октября 1971 года в селе Валерик Ачхой-Мартановского района Чеченской республики. При себе имела билет на автобус по маршруту Махачкала — Москва отправлением 22 октября 2002 года.

Дом взорван российскими военными.

По неофициальной информации, родные Малижи проживают ныне в Азербайджане.

Малижа Мутаева — одна из немногих смертниц, представлявшая, что ждет ее в Москве

Зарета Байракова

Байракова Зарета Долхаевна родилась 30 апреля 1976 года в Старопромысловском районе г. Грозного Чеченской республики. Регистрация: Грозный, ул. Маяковского, 136, кв. 30. Адрес недействителен. При себе имела автобусный билет Хасавюрт — Москва, продан 17.10.02, выезд 19 октября 2002 года.

В паспорт была вложена записка: «Сбор 27(21) октября 2002 ст. «Лужники».

Паспорт Зареты Байраковой

Зарета в зале «Норд-Оста»

Байракова уже в морге

Луиза Бакуева

34 года. Сестра известного боевика Бауди Бакуева.

Они — это тот самый «идеологический костяк» террористической операции на

Дубровке. Те, которые знали, куда шли, и выбор свой делали осознанно. Почти все они — вдовы. Женщины со сложной судьбой.

Зарета Байракова, Малижа Мутаева, Асет Гишлуркаева — имели детей. Кто-то их потерял на войне, кто-то — оставил сиротами по доброй воле.

Эти женщины знали, ради чего идут на смерть. Знали, что взрывчатка не настоящая, потому-то даже не пробовали привести в действие взрывные устройства во время штурма. Грозя убить заложников, они не собирались убивать никого. Эти женщины рисковали лишь собственной жизнью.

Луиза Бакуева после штурма российского спецназа

Надеялись выйти живыми, что-то сделать ради своего народа, получить деньги и начать новую — свободную от войны — жизнь.

Они все обдумали, взвесили и решили. Они не оставили после себя никаких следов — их дома в Чечне уничтожены, а родные переехали в Азербайджан.

У всех у них были настоящие паспорта, но липовые регистрации. Идя на смерть, они позаботились о том, чтобы не подставить своих близких и дать им шанс быстро выехать из республики.

Они знали, на что шли... А вот остальные женщины оказались на «Норд-Осте» по ошибке. Они не хотели туда идти. Не хотели умирать. Просили своих родителей — вытащить, спасти, уберечь, — но их предали все, кому они верили.

Хадчат Ганиева

Ганиева Хадчат Сулумбековна родилась 1 апреля 1986 года в станице Ассиновская Ачхой-Мартановского района Чеченской республики. Имела 9 родных братьев и сестер. При себе имела временную регистрацию на имя старшей сестры Фатимы Ганиевой, что позволяет предположить, что ее сестра тоже была на «Норд-Осте», но все-таки смогла бежать.

Военные взорвали дом сразу же после «Норд-Оста».

По неофициальной информации, семья Ганиевых находится сегодня в Азербайджане.

Она лежит на полу ДК с открытыми глазами. Хрупкая, сложенная как подросток, с тонкими запястьями и щиколотками.

Хадчат была самой молодой из тех, кто был в те страшные дни на «Норд-Осте».

16 лет. Вдумайтесь, 16!

Я еду по Ассиновской, ища дом, где жила эта девочка. Машина тормозит перед грудой обломков. От забора остался причудливый каркас. Окна зияют пустотой.

— Аккуратней! — кричит мне сопровождающий. — В дом ни в коем случае не входи, там может быть все заминировано!

Но я все равно приоткрываю скрипучую дверь. В нос ударяет запах бараньих шкур и сыреющего дерева.

В одной из комнат, — она была одной из главных в доме, судя по сохранившейся обстановке, — вижу удивительную мозаику на стене: надписи на арабском, мечеть, полумесяц со звездой и еще — белое пятно, старательно затертое шпатлевкой.

Видно, что замазывали арабский текст очень быстро, но сделать это посчитали важным. Представьте, вам в считанные минуты нужно собрать вещи и бежать (как это и происходило с семьей Ганиевых, когда военные дали им на сборы пару часов), а вместо того, чтобы паковать чемоданы, хозяин дома вскарабкивается на табуретку и затирает на стене какие-то арабские слова.

Что могло его скомпрометировать в этой надписи?

Заглядываю в другую комнату. Видно, что хозяева действительно спешили. Дверцы шкафов так и остались открытыми, обои — полусодранными, детский башмачок — пылящимся в углу.

При себе Хадчат имела документы на имя старшей сестры

Семья Ганиевых была очень большой — родители и десять детей. Жили бедно, но честно, как любят говорить в России.

— И дети их очень много трудились, на земле работали, на грядках что-то сажали, чтобы прокормиться. Одежда передавалась по наследству, — рассказывает женщина, которая неплохо знала эту семью. — Все были очень набожные, девочки всегда ходили с покрытой головой. Хадчат была средней в семье, очень тихой и послушной. Во всем слушалась отца. Он у них в семье был авторитетом.

— Как вы думаете, он мог не знать о том, куда собирается его дочь?

— Исключено. 16-летняя Хадчат боялась и уважала отца, так что представить, чтобы она самовольно сбежала из дома и куда-то уехала — невозможно!

Билет в Москву был с обратной датой: девушкам было обещано возвращение домой

Шестнадцатилетняя Хадчат после штурма: взрывчатка на ее поясе так и не сработала...

В доме Хадчат на стенах по сей день сохранились надписи на арабском

— А где сейчас ее родители? [де вся семья?

— Они уехали сразу после «Норд-Оста». Их ждали в Баку. Там они и собирались обустроиваться.

— А кто их там ждал?

— Ну, не мое это дело — говорить, кто их там ждал. Знаю только, что их обеспечение взяли на себя серьезные люди.

Вот и все, что мне удалось узнать о Хадчат на месте, в ее родной Ассиновской. Остальное я узнала через свои источники.

Семья Ганиевых во время войны начинает исповедовать ваххабизм. Вслед за родителями в него втягиваются и дети. А в Чечне пассивных ваххабитов практически не было.

Кто не мог воевать, помогал чем-то другим: прикрывал или прятал боевиков, перевозил деньги или оружие, занимался идейной вербовкой.

Не осталась в стороне и семья Ганиевых — правильных, непьющих и некурящих мусульман, молящихся пять раз в день.

Хадчат частенько слышала в своей семье, что русские пришли сюда уничтожить мусульман, что ее братья гибли, защищая Аллаха, что каждый верующий мусульманин должен объявить джихад неверующим и бороться. Бороться до последней капли крови.

Хадчат впитывала это все, словно губка. Она посещала какое-то тайное общество, где собирались юноши и девушки и учили Сунну и Коран, слушали чеченского певца Муцараева, записывали толкования пророков в школьные тетрадки и учили арабский.

Хадчат Ганиева в морге

По словам соседей, Хадчат даже обучалась в каком-то исламском центре города Баку — девочку готовили в шахиды.

На почве ислама Хадчат сдружилась с Зурой Бициевой, которая, правда, была на несколько лет ее старше. И вот эти девочки, богобоязненные, носящие платки, наполненные Кораном, вдруг оказались востребованными.

Люди из джамаата выходят на отца Хадчат — Сулум-бека. Выходят, когда до начала операции остается совсем немного времени и свыше приходит приказ: женщин мало, нужны еще, да желательно помоложе.

С ним ведут переговоры, если их можно так назвать: ведь Сулумбек разговаривает с хорошо известными ему людьми.

Они раскрывают ему все карты, потому что Сулумбек — человек проверенный: готовится серьезнейшая операция, для которой нужны люди, которые сыграли бы роль смертников.

Отцу Хадчат говорят, что дело, конечно, рискованное — но за всем этим стоят очень серьезные люди в Москве, которые не допустят кровавого финала. Просто надо попугать российского президента. Надеть костюмы, повесить пояса шахидов, — но никто никого взрывать не будет, поэтому все же есть шанс выжить.

Сулумбек думает. Вне зависимости от исхода операции ему обещают оплатить переезд в Баку и дать 20 тысяч долларов. Ему говорят, что эта операция заставит Путина начать мирные переговоры.

Да и в конце концов, если с Хадчат что и случится, у Сулумбека останутся еще девять детей.

И он дает согласие.

До «Норд-Оста» остается всего три дня, когда Хадчат покупают билет и сажают в автобус Хасавюрт-Москва.

Там, в Москве, ее будут встречать. Поселят в надежном месте. А 23-го вечером она уже будет в зале ДК, где ничего не подозревающие люди будут смотреть и слушать мюзикл.

Она, конечно, волнуется, но не сказать, чтобы слишком. В Москве она увидит свою подругу Зуру, ее встретят серьезные люди, которые, конечно, не допустят ничего страшного. Ну, а если что — на ней будет пояс, она нажмет на детонатор, и все, все закончится. Она будет в раю и погибнет как герой.

На правой руке у Хадчат тоненькие металлические часики. Она неслышно молится всю дорогу. Она знает, что Аллах не оставит ее. Аллах всемогущ, он все видит, все знает. Наверное, в отличие от Хадчат, Аллах уже давно знал о том, что взрывчатка в ее поясе будет ненастоящей.

И потому, когда уже начнется штурм, испуганная Хадчат будет судорожно соединять клеммы, спеша спрятаться на небесах от газа и стреляющего спецназа.

Но взрывчатка никак не отреагирует на движения рук и слезы Хадчат.

Девочка в растерянности начнет молиться и, ловя ртом воздух, увидит, как бегущий на нее спецназовец наводит дуло автомата ей в лоб.

Не забывайте, что самой младшенькой из «норд-остовских сестер» не так давно исполнилось 16.

Она еще слишком юна и чиста, чтобы думать о человеческой подлости и предательстве.

Зура Бициева

Бициева Зура Резвановна родилась 23 апреля 1980 года в селе Самашки Чеченской республики, в последнее время жила в станице Ассиновская Ачхой-Мартановского района. Училась в лицее города Грозного.

Мать Зуры срочно покинула республику после теракта, оставив съемное жилье. По неофициальной информации, живет сейчас в Азербайджане.

Когда Зуру расстрелял российский спецназ, ей было 22 — ровно столько, сколько сейчас мне, когда я пишу эту книгу.

Но я совсем не хочу умирать — ни за мир во всем мире, ни ради любимого, ни ради Бога.

Я жить хочу.

В таком возрасте только-только включаются вкусовые рецепторы, ты начинаешь чувствовать, какая она на вкус, эта жизнь. Так зачем обрывать ее, дарованную тебе всего лишь один раз?

Сейчас я понимаю свою разницу с моей сверстницей Зурой: она не считала, что со смертью ВСЕ заканчивается. Она думала, что со смертью как раз все только начинается. И впереди — лишь райские сады, медовые реки и кисельные берега. А жизнь... Да что ею дорожить — такой-то жизнью!

...Село Самашки значится в документах, найденных при Зуре, как ее родное село.

Адрес только не указан. Поэтому для начала заезжаю в местное ОВД, здание которого больше походит на какой-то сельский склад. У входа — три милиционера, ружья на плечах.

Услышав про «Норд-Ост», они пугаются, переглядываются и провожают меня к «главному оперу» села. Пожилой чеченец Лема грустно вздыхает, когда я спрашиваю его о семье Бициевых.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь. Бициевых я не знал, ничего рассказать не могу. И вообще, **кто** сказал, что они здесь жили?

Ну вот, опять та же песня. Значит, он предлагает мне развернуться и уехать обратно? Как бы не так.

— Лема, если даже вы не знали семью Бициевых до октября 2002 года, то в октябре вам все равно пришлось с ними познакомиться. Ведь через неделю после штурма к вам приходили люди из ФСБ, и вы искали для них и адрес, и биографию, и их нынешнее местонахождение.

Лема грустно, как-то по-собачьи, смотрит на меня.

— Они здесь не живут уже много лет, переехали в станицу Ассиновская. Оттуда Зура и поехала на «Норд-Ост».

— Почему они уехали туда?

— Не прижились здесь. Понимаете, у них очень непростая семья была. В 1988-м ее отец погиб в драке. Он пьяный был, брат его пьяный был, повздорили, кинулись друг на друга с ножами. И насмерть. С тех пор мать одна поднимала двух девочек: Зуру и ее старшую сестру. Бедно они жили. Потом дом этот, где отца убили, все-таки продали; не знаю, то ли чтобы от воспоминаний избавиться, то ли еще по каким-то причинам. Переехали в одно село, потом в Ассиновскую. Как беженцы они были, жилья своего не имели — снимали угол.

— Религиозными были?

— Этого я знать не могу. Зура совсем маленькой была, когда они уехали отсюда. Мать была обычной рабочей женщиной. Что с ними потом стало, честно, не знаю —

поезжайте в Ассиновскую...

— В Ассиновской нет кафе, чтобы можно было чего-нибудь перехватить, магазинов нормальных нет, не оказалось там даже местного отдела милиции. На всю станицу — один участковый, но где его можно найти — никто не знает. А в сельсовете — обеденный перерыв, затянувшийся на полдня.

Стоя в очереди среди взрослых чеченок, меряю шагами дорожку. «Зура, ну зачем, зачем ты это сделала?» — повторяю в уме.

Наконец появляется секретарша главы сельсовета. Улыбчивая полная женщина сразу немного тускнеет, узнав, что я журналист из Москвы.

— Пройдемте в кабинет, — сухо говорит она и закрывает за мной дверь.

— Я по поводу Зуры Бициевой, — начинаю я, доставая журналистские документы.

— Я поняла, — говорит она и даже не смотрит на удостоверение.

— Я тогда сразу расскажу все, что знаю, чтобы время не терять — там женщины сейчас интересоваться будут, а шум поднимать не нужно, — сразу демонстрирует она деловую хватку. — У нас ФСБ уже была, мы все бумажки им готовили, так что с вами мне будет легче говорить. Итак — Зура. Я лично знала эту девочку. Впечатления: не очень симпатичная, все время носила закрытый платок. Насколько я знаю, она была очень, очень религиозна. И еще: она производила какое-то гнетущее впечатление.

Зура Бициева была названа номером 2019 в морге

Молодая девушка, она должна была цвести, улыбаться, радоваться жизни. Но она — всегда в черном или в чем-нибудь темном, наглухо закрытом.

С ней можно было общаться целый день, так и не услышав от нее ни одного слова. Представляете? Она только слушать вас будет, потупив глаза, и ни разу не ответит. Какая-то... забитая, что ли... Покорная.

Начнешь вопросы задавать, настаивать на чем-то, она только и выдавит из себя: «Да» или «Нет». Все. Больше ничего, как ни пытайся, от нее не добьешься.

Я знаю, что она училась в Грозном в каком-то колледже на секретаря-референта. Признаться, я даже вообразить не могу, как бы она смогла работать по специальности. Такая молчунья!

— Где можно найти ее мать?

— Здесь вы уже никого не найдете, — усмехается Лейла. — Мать ее сразу сорвалась с места, когда все это случилось. Не знаю куда, в такие вещи нас не посвящают. Их дом военные сразу же собирались взорвать, потом все-таки оставили, не стали. Только потому, что дом они снимали. Хозяева прибежали, стали умолять их жилье не трогать, — мол, при чем тут они. А вот дом Ганиевых взорвали. Ребенка соседского осколком чуть не убило, в больницу отвезли его.

— Зура дружила с Хадчат Ганиевой?

— А как вы думаете? Обе девочки из одной маленькой станицы, обе носили платки, обе очень религиозны. Обе отсюда, из маленькой Ассиновской, уехали в Москву. Вы полагаете, это совпадение? — ухмыляется она. — Но это уже не мое дело. Больше я ничего не знаю, что могло бы вам пригодиться.

...17 октября Зура войдет в рейсовый автобус Хасавюрт — Москва. Середина октября, дождливо, но еще тепло. В автобусе она будет не одна — рядом сядут еще несколько человек из команды, которая захватит Театральный центр в Москве. Как всегда, она почти ни слова не произнесет за всю поездку. Всю дорогу будет молчать и смотреть в окошко. Ах да, Зура будет молиться и, сжимая кулаки, твердить суры из Корана. Она знает, что там, в Москве, они должны провернуть очень серьезную операцию — заставить весь мир поверить, что они шахиды. Быть шахидом — высокое предназначение, но не каждый сможет

не дрогнув убить себя. Сможет ли она? Это же так страшно...

Но что дает ей силы — не бояться, не сбежать обратно, не плакать и не дрожать? Не только вера в Аллаха.

В Зуриной сумочке лежит обратный билет Москва — Хасавюрт. Зура абсолютно уверена, что ровно через десять дней она вернется обратно. И оттого она спокойна. Я внимательно просматривала видеозапись, сделанную боевиками внутри Театрального центра. Увидела там и Зуру. Она укладывалась отдохнуть на широкие ступеньки в конце зрительного зала. Под ее черным платьем виднелись голубые джинсы и водолазка. Я была права: она рассчитывала вернуться, потому и была одета так, чтобы в случае штурма легко скинуть с себя черный наряд и остаться в простой одежде, которую носят девочки ее возраста — и в России, и во всем мире.

Люди, которые послали Зуру умирать, учли этот тонкий психологический нюанс. Они купили ей билет в оба конца и дали надежду на выход.

«27 октября, — думает Зура, — я буду дома, и все останется позади».

В чем-то она была права — 27 октября для Зуры действительно все осталось позади.

Марина Бисултанова

Бисултанова Марина Небиюллаевна родилась 21 декабря 1983 года, зарегистрирована в селе Беркат-Юрт Чеченской республики. Долгое время жила в Азербайджане. Семья — отец, мать, две сестры.

Именно она стала одной из сенсаций «Норд-Оста». Информационные агентства наперебой сообщали: среди женщин-камикадзе есть блондинка. Возможно, славянка. Но это не так. Она — самая что ни на есть чеченка. Роскошные карие глаза и белокурые волосы. Такой она была, Марина Бисултанова.

Я еду к ее родителям, по-настоящему переживая. Вздрагиваю и прихожу в себя, лишь когда моя машина, подняв страшный рев и выбрасывая из-под колес комья грязи, начинает буксовать, завязнув посреди чеченского села Беркат-Юрт. Спрашиваю у прохожих улицу, дом, фамилию — никто не слышал, никто не знает. Позже выяснится, что жили они здесь всего-то год. Переселенцы.

Глядя на Марину Бисултанову, невозможно даже представить себе, что она могла убить невинных детей в зрительном зале

Зато, услышав фамилию Бисултановых, помрачнел глава сельсовета. И, поколебавшись, дал мне провожатую: «Только много не рассказывайте, по какому делу вы сюда приехали».

Заброшенный дом на окраине села.

Подъезжая к нему, моя спутница — дочь главы сельсовета — вдруг становится разговорчивой.

— Я знала Марину лично.

— Тогда скажи, почему она пошла на такое?

— Она замужем была, знаете? Нет? Вот в чем вся причина. Ее отец от мужа увозил, прятал, да все без толку. За ней сюда уже приезжали на машине несколько раз. Со скандалами. Угрожали, что все равно заберут туда.

— Куда?

— Не мое это дело. Знаю, что это были опасные люди, нехорошие. Марина мучилась оттого, что они ее не оставляли в покое. Плакала...

И вдруг, подумав:

— Красивая она была и слишком молодая, вот что...

Так же неожиданно, как заговорила, девушка замолкает. Мы выходим из машины и идем к дому. Никакой дорожки, газона. Кругом — весенняя грязь. Дверь открывается, и на пороге появляется невысокий мужчина с намечающейся лысиной, сухонький, но все равно красивый.

Смотрю на него и узнаю глаза Марины — роскошные, чайного цвета, причудливого восточного разреза. Услышав о том, что я приехала поговорить о его дочери, он вздрагивает, но все-таки предлагает зайти в дом.

Деревянный пол, старый диван, большой обеденный стол в середине комнаты. Из каждого угла выглядывает нищета. Я сажусь на диван. Мне неловко.

Наби, так зовут отца Марины, нервничает, у него дрожат руки, когда я даю ему листки с фотографиями дочери: живой — там, где на документах, и мертвой — уже после всего. Он надевает очки с толстыми стеклами, тут же их роняет. Зовет жену, и вот они вместе смотрят на снимки.

— Это наша, — словно выдавливая из себя слова, произносит он. Закрывает лицо руками и беззвучно трясется. Наби в первый раз увидел свою дочь после того сентябрьского дня, когда ее забрали.

Отец увидел свою дочь мертвой. С растрепанными волосами, которые он раньше заплетал в косы. С полуоткрытыми глазами, в которых застыли крик и отчаяние. С полуоткрытым ртом, который в последний момент жадно искал воздух, но находил газ.

— Марина, девочка моя! — кричит мать. Выбегает из комнаты и начинает, словно раненая волчица, носиться по дому. Крики, слезы, проклятия.

— Сука! — вдруг произносит Небиюлла. — Все-таки увела ее... Забрала...

Он просит у меня папку с лицами убитых. Судорожно перелистывает, кого-то узнает, но самого главного человека, которого искал, так и не находит.

— Это точно все, кто там был?

— Это все, кто был уничтожен российским спецназом. Тех, кто был, но убежал, мы не узнаем.

— Ее там не было — сучка... — Мне кажется, что он сейчас расплачется. Его руки не находят покоя — касаются то лица, то очков, лежащих на столе, то скатерти.

— Кого не было?

— Той, что забрала ее у нас. Той, что ходила за ней по пятам и не оставляла ее ни на минуту.

— Расскажите, Наби, — тихо прошу я.

Он плачет. Отец, потерявший любимую дочь. Отец, минуту назад впервые увидевший ее мертвой.

— Их, всех девочек, вербовали женщины. Одна из Гудермеса, другая — жена полевого командира Арсланбека Новолакского, бендерша Виталиева. И еще одна вербовщица была из Старой Сунжи — она и своих дочерей послала туда.

Кажется, что комната вокруг поплыла, словно лодка в штормующем море. Пол загудел.

«Это наша!» — закричал Наби Бисултанов, увидев фотографию убитой дочери

— Вы не ошибаетесь? — спрашиваю у Наби.

— Ошибаюсь? Я знаю, кто это все организовывал, кто девочек собирал по всей Чечне. И эту женщину я знаю в лицо, вот ее дочери, — и он показывает мне фотографии

Айман и Коку Хаджиевых, тех самых, с которыми знакомы и вы, и я. Я потрясенно переглядываюсь со своим сопровождающим, с которым несколькими днями раньше мы были в гостях у немощной и жалкой с виду Хеды Хаджиевой.

— Вот он! — вдруг вскрикивает Наби.

— Кто?

— Он... — Наби отпрянул от листка с чьей-то фотографией. — Это он...

Показалось, что Наби на минуту забыл о моем существовании, он опрокинулся в какое-то неизвестное мне, но совсем недавнее прошлое. Что, что так напугало его?

Я подхожу к нему и смотрю на эту важную фотографию.

Что я вижу? Молодой мужчина в белой рубашке и галстук. Хунов Фуад Шахамбиевич, Карачаево-Черкесия. Ну и что? Ни эта фамилия, ни лицо тогда мне ни о чем не говорили. Этого человека, по-моему, даже не было среди убитых. Не было человека с такой фамилией и среди главных террористов и организаторов.

— Кто это? — удивляюсь я.

— Он...

— Расскажите все по порядку.

— Начну сначала, — соглашается он. — Я жил в Баку, уехал оттуда в 2001 году. Переезжал через российскую миграционную службу. А Марина осталась в Азербайджане — там она вышла замуж. 2 августа 2002 года вернулась и Марина. Вернее, я ее оттуда еле вытащил. Мне не нравились люди, с которыми она общалась. Муж ее, окружение. Они ее не пускали. Я пригрозил им, сказал, что она моя дочь, заставил их развестись по нашим мусульманским обычаям. Так что в августе 2002-го мы все были уже в Чечне. Но эти люди не оставляли ее в покое. Дергали постоянно. Приезжали сюда. А потом, в конце сентября, она пришла домой с часами Casio. Я, когда это увидел, в ярость пришел. Мать с сестрой ее избили за это. Забрал я эти часы, растоптал их прямо на полу и сказал: «Не дай Бог ты еще раз с такими придешь!»

— Почему вас так напугали какие-то часы?

Он замешкался.

— У них, у ваххабитов, принято носить эти часы. Я об этом из Баку знаю. Я не знаю почему. Вроде у них сильные батарейки, из них легко взрыватели делать... — увिलивает он, на ходу придумывая версию о сильных батарейках. — Ну вот, это было дней за пять до ее исчезновения. После этого случая ее как подменили. Она у меня очень ласковая девочка, как котенок, всегда прильнет, обнимет: «Папочка!». А тут — не узнать. Забьется в дальний угол комнаты и сидит, в одну точку смотрит. Мы к ней — Марина, что случилось? А она — оставьте меня, и давай рыдать. Пять дней ее не узнать было. Мы с ума сходили, видя, что с ней происходит.

— И что было дальше?

— 30 сентября, после обеда, я пошел за сигаретами. По пути товарищ проезжал, он меня подвез. Еду обратно, вижу, Марина идет по улице. Мы просигналили ей аж три раза. Она даже не оглянулась. Возвращаюсь домой... ее нет. А жена рассказывает: к ней, мол, подруги приезжали, звали в Баку за товаром поехать. Она ей не разрешила: «Какой товар, Марина, о чем ты говоришь?» И приказала сидеть дома. Тогда она сказала: «Пойду скажу тогда им, что не поеду».

— Я у нее даже сумку отобрала — на всякий случай, чтобы не уехала, — подтверждает жена.

— Марина вышла. И больше мы ее не видели.

После этого Наби сразу же поехал в Хасавюрт.

Смотрите, какое поразительное чутье — он сразу же едет туда, где действовали люди из джамаата, собирая завербованных на «Норд-Ост» людей. Совпадение ли? Хасавюрт — граница Дагестана и Чечни; даже не город — пестрый базар, через который чеченские боевики легко просачиваются через границу. Из Хасавюрта в Москву отправляли большую часть людей, которым предстояло сыграть роль террористов.

— Дочь свою я там не нашел. Я пошел по адресам, где обитают ваххабиты. Их адреса я узнал случайно, — поправляется он. — Ничего, никаких следов. Тогда я вернулся в Чечню. На пятый день мне принесли ее юбку, кофту, в которые она была одета, и еще записку. В ней Марина написала: «Дорогие мама и папа! Я уехала в Баку за товаром, вернусь через 10 дней. Мамочка, папочка, я вас очень люблю! Знайте, что я всегда рядом с вами, что бы ни произошло. Марина». Я искал ее, честное слово. Искал бендершу Виталиеву, которая вербовала девочек. Ничего. Поехал в Баку, но и там все пусто. Вернулся в Чечню, стал наводить справки. Выяснил только, что в октябре дочку видели вместе с полной женщиной в машине, которая ехала по Старопромысловскому шоссе. За рулем был человек в милицейской форме. Их остановили, они показали пропуск, и их пропустили. А потом случился теракт... Мы боялись даже думать. Я был тогда в Баку и нашел список террористов в Интернете. Мне стало плохо, я понял, что это все. Это конец надежде.

— Наби, если вы говорите, что ее похитили, почему вы так боитесь назвать этих людей? Людей, похитивших вашу дочь.

Он молчит. Ему тяжело дается это молчание, но он держит эмоции под контролем.

— Ну хорошо, а как ее забрали?

Послушайте, что говорит мне отец, полчаса назад утверждавший, что его не было дома, когда за дочерью приехали люди.

— Как дело было: они приехали, поставили во двор машину, зашли и говорят: мы ее заберем. Мы говорим, что никуда ее не отдадим. Марина говорит: я останусь с мамой. — Наби заводится все больше. — А он: «Мы что, маленькие, что ли, чтобы маму с папой слушать? Что значит — хочу или не хочу, когда тебе говорят НАДО». — Наби переходит на крик. — Все, говорят, пойдём — и стали ее в машину сажать.

— Что это за люди были?

— Ваххабиты... — просто отвечает он. — Кто же еще?

— Так почему же она все-таки села к ним в машину?

— Знаете, может быть, ее шантажировали. Угрожали. Чем? — Наби замолкает, видимо обдумывая то, что только что произнес. — Могли тем, что это они оплатили наш переезд сюда, и дорогу, и визы. У этого Арсланбека были очень хорошие связи в российском МВД. Может, ей обещали деньги. Большие деньги. А может, ее никто и не спрашивал... — осторожноничает Наби, боясь, как бы своей осведомленностью не выдать себя самого с потрохами.

Мы замолкаем. Я — потому, что слишком многое узнала сегодня. Потому что видела, как на моих глазах родители разыгрывали драму — со слезами, истериками, утверждениями о полной неосведомленности и непричастности. Я замолкаю, потому что понимаю.

— Они лгут. Они — потому что понимают, что я понимаю. Как все нелепо.

— Она была такой девочкой — доброй, нежной, отзывчивой. Так животных любила и детей маленьких.

— А своих у нее еще не было?

— Так ей же девятнадцать всего. Она совсем молоденькая была. Братиков любила, сестричек, она как ребенок была — веселая... наивная...

Они сидят передо мной, родители, позволившие своей дочери уехать. Отдавшие насовсем трогательную хорошенькую девочку, которая плакала и билась в истерике ПЯТЬ дней, зная, куда ей придется ехать. И они — Наби и его жена — знали, куда через пять дней уедет их дочь.

Знали и молчали. Лишь отобрали часы — зная, что там, в Москве, эти девочки, которые соберутся на стадионе «Лужники», наденут на правую руку часики. Чтобы по ним определить, кто есть кто, отличить друг дружку в толпе.

Эти часики на правой руке — их опознавательный знак. Знак принадлежности к определенному сообществу.

А ведь как она просила их о помощи! Своих собственных родителей. Теперь,

вспоминая об этом, Наби плачет, отворачиваясь, чтобы вытереть слезы.

— Она хватала за руку мать, когда ей приказывали сесть в машину. Рыдала... Спрятаться хотела, убежать...

Марина надеялась вернуться, но все же просталась с ними — в записке: «Я люблю вас, что бы ни случилось».

Разве не ясно, что это — прощание?

А они — трусили. Не смогли вытащить, отвоевать. Наверное, потому, что сами увязли во всем этом дерьме.

Информация, которую узнаю позже: Наби Бисултанов — один из членов ваххабитской структуры, не идейный боевик, нет — просто маленький человек, работавший то ли курьером при перевозке денег то ли просто каким-то связным. Когда он пытался отойти от своего нелегального прошлого, ему не дали сделать это просто так. Наби за все расплатился любимой дочерью. Ее забрали, как только она стала взрослеть и хорошеть. Взял «в жены» один. Потом, попользовавшись, отдал своему другу. А папа молчал. Папа был слишком мелкой пешкой в этой большой шахматной игре.

Я аккуратно, как бы невзначай, интересуюсь:

— Наби, она такая светлая, улыбающаяся. Как же она могла взорвать невинных людей, ведь на ней был пояс с взрывчаткой. Как могла пойти на убийство?

Он отводит глаза в сторону, сжимает кулаки, судорожно соображает, что можно, а что нельзя сказать. Наконец выдавливает:

— Никогда. Никогда никого она не смогла бы убить. И не должна была. Им просто нужны были девочки. Так им надо было. Все, больше я ничего не знаю.

— Так почему вы все-таки не заявили в милицию, когда ее увезли?

Он смотрит на меня, словно спрашивая: «Вы что, ничего так и не поняли?!» И произносит вслух:

— Человек, который вывозил ее из Чечни, был одет в милицейскую форму. Имел при себе спецпропуск...

Вот она, самая главная причина, по которой искренне любивший свою дочь Наби все же не полез в эту мясорубку. Связи людей, забравших Марину, с российским МВД; а у того загадочного человека, приехавшего за Мариной, был спецпропуск, который имеют лишь члены штаба по проведению контртеррористической операции в Чечне (ФСБ, МВД и Минобороны).

...30 сентября. Солнечно. Пошел шестой день с того момента, когда на правой руке Марины появились часики на металлическом браслете. Я вижу, как она молится, сидя в дальнем углу комнаты. Во дворе сигналит машина. Марина вздрагивает. По спине пробегает холодок от необратимости происходящего. Стук в дверь. Эта перепалка с родителями будет совсем недолгой. Ее затолкают в машину, а напоследок в заднем стекле она увидит мать — сжатую в комок, прикрывшую рот ладошкой, плачущую и напуганную.

Словно полароидный снимок — этот осенний день, испуганная мать, туфли, аккуратно стоящие возле входной двери. Рисованный орел на развалинах автобусной остановки. Золотые деревья.

«Мир таким, каким он был раньше, никогда уже не будет», — понимает она.

Рядом с ней на заднем сиденье сидит взрослая женщина, та самая, которую она знала и доверяла много лет. Эта женщина должна сдать Марину с рук на руки и получить свой гонорар. Но Марина, конечно, об этом не знает. Она верит ей. Слабо, но верит, что через десять дней после всего она вернется домой. Может, она даже сможет остановить войну. Дело в том, что Марине озвучили ее задание еще пять дней назад — тогда, когда она пришла домой с часиками на правой руке. Ей сказали, что нужно будет участвовать в спецоперации по остановке войны в Чечне. Марина знала, что операция очень рискованная. Ее предупредили об этом, сказав, правда, что есть риск, но вернуться должны все.

Марина не очень-то в это верила. Она боялась. Боялась страшного костюма, в который ее должны будут одеть, той роли, которую она должна будет играть. Уж как-то все

зловеще...

Но и поделаться она ничего не могла. В Хасавюрте — там, где собирали и остальных людей, — ей сказали, что это задание очень важное и что приказ получен от самого амира Шамиля Басаева.

Марина — 19-летняя девочка — всю жизнь была зависима от мужчин. От отца, которого в семье боготворили, потом от мужей. Она — женщина, которая должна подчиняться мужчине. Так ее воспитывали.

В тот роковой день, 30 сентября, один из этих мужчин приехал за Мариной вместе с женщиной-вербовщицей.

Знаете, кто был тем самым мужчиной? Кого Марина не смогла послушаться? Я выяснила это позже, по той самой фотографии, так напугавшей отца Марины.

Этого человека звали Руслан Эльмурзаев. Бывший сотрудник МВД, а потом и организации «HALLO-TRAST», официально занимавшейся обучением специалистов по разминированию, неофициально — являющейся одним из подразделений британо-американской разведки. Люди, работающие на разведку, не уходят потом на хлебопекарню. Их опыт всегда остается востребованным — в спецслужбе той страны или уже другой.

Эльмурзаев — тот самый человек, который, по версии следствия, организовал и взрыв у «Макдоналдса», и захват «Норд-Оста».

Но он остался живым и невредимым.

Поэтому Наби так испугался, увидев фотографию Эльмурзаева — правда, под другим именем, — среди целой стопки снимков «террористов», но так и не назвал мне его настоящую фамилию и связь со своей дочерью. Наби лишь намекнул мне на то, что этот мужчина приехал на черной «Волге» и имел при себе спецпропуск, благодаря которому мог беспрепятственно проезжать через все возможные блокпосты в Чечне.

А вот Руслан Эльмурзаев — бывший сотрудник МВД России, а также американо-британской спецслужбы — среди убитых террористов не значится. Он ушел живым...

А иметь такие пропуска могут лишь члены Регионального оперативного штаба по проведению контртеррористической операции — МВД, ФСБ, Минобороны...

Я и говорю: такие люди не уходят потом на хлебопекарню.

...Мысли — словно яркие вспышки — вспыхивают, и гаснут, и загораются снова. Это знакомые ей люди, но в душе у Марины — все тот же липкий страх, какой был и пять дней назад. Она так и не смогла его перебороть, как ни старалась. Она смотрит в окно и тихонько плачет. Впереди — Москва, которую она никогда не видела, черное платье, уже подогнанное ей по размеру, и страх, один нескончаемый страх. Вот и все, что она знает. Остальное она поймет потом. Когда будет слишком поздно что-то исправить. Но это будет позже, впереди у нее еще три недели.

Лиана Хусенова

Хусенова Лиана Мусаевна родилась 31 октября 1979 года в станице Наурская Чеченской республики.

Об этой девушке нет почти никакой информации. Известно лишь, что она уже достаточно долго не жила дома, «выйдя замуж» за ваххабита и уехав в Грозный. Вдовой она, по словам матери другой «шахидки» Заиры Юпаевой, не была.

Сотрудники ФСБ задержали меня по пути к ее родителям и, не дав даже поговорить

с ними, приказали срочно покинуть территорию Чечни, пока «не пропала без вести».

Заира Юпаева

Юпаева Заира Башировна родилась 17 мая 1978 года в Наурском районе Чечни. Жила с родителями. Незадолго до «Норд-Оста» вышла замуж.

25-летняя цветущая девушка, роскошные каштановые волосы, симпатичное лицо, Зачем? — вот вопрос, который я задаю себе на протяжении всей дороги в одно из сел Наурского района Чечни.

Итак, начало весны, безнадежно голубое небо, ослепляющее солнце. Сапоги тонут в размытой грязи. Захожу во двор аккуратенького кирпичного домика, встретив возле входной двери обувающегося юношу.

— Мать дома? — наобум спрашиваю я.

— Мама, тебя! — кричит он куда-то вглубь. И с интересом рассматривает меня. Наконец на крыльце появляется полная женщина, наглухо повязанная платком, с большими карими глазами и какими-то курносими, простыми чертами лица. «Чеченка?» — удивляюсь я про себя.

— Здравствуйте, я журналист, я приехала, чтобы поговорить с вами о Заире.

Они, родители, все понимают без лишних слов. Поговорить о Заире — все понятно, не надо объяснений. Она тяжело вздыхает.

— Пройдемте, мне скрывать нечего. Я вам все расскажу про то, как мою девочку похитили. Спасибо, что хоть вам интересно, что было на самом деле. — Она начинает говорить быстро, плачущим каким-то тоном.

Меня это немного смущает. То ли у нее так все накипело, что она хочет выплеснуть это первому встречному, то ли она уже точно знает, как нужно себя вести в подобной ситуации и что говорить.

Я снимаю обувь, ставлю ее в прихожей. Оглядываюсь. Как чисто и светло! Крашенный коричневой краской пол, столы с белыми кружевными скатертями, на подоконнике — горшки с зелеными цветами.

Мы садимся: Люба, мать, — рядом со мной, напротив — тоненькая девочка, сестра Заиры. Точеные черты лица, тонкая кость, какие-то раскосые, тоскующие светло-зеленые глаза. Копия француженки Ванессы Паради.

Заиру Юпаеву на «Норд-Ост» забрали с разрешения ее родного отца

Мать тем временем начинает бойкий, очень бойкий, рассказ о таинственном исчезновении Заиры.

— Она у меня поехала к сестре на свадьбу в станицу Калиновскую. Я ее просила: Заира, не оставайся там ночевать, пожалуйста, я больная, приезжай пораньше. Она говорит: «Хорошо, мамочка!». Уехала. В первую ночь я ее не ждала — все же свадьба, задержалась девочка в гостях. А на второй день я стала беспокоиться. Понимаете, она у меня такая была послушная, правильная, на пять минут выйдет за двор: «Мамочка, не кричи, я через пять минут вернусь». И ровно через пять минут и возвращалась. Хорошая девочка была...

Ой, какая хорошая! Но она у меня молилась. Платок закрытый носила. Всегда молилась. — Вдруг Люба резко соскакивает с темы и зачем-то начинает говорить о религиозности дочери. — Но она не ваххабитка! Это все неправда! Если бы она ею была, она бы книжки какие-то специальные читала, девочек из села агитировала. Но этого же не было!

Она достает фотоальбом и показывает Заирины снимки. Что меня поражает: Заира действительно везде в закрытом платке. И вдруг, нечаянно, Люба открывает страницу с

фотографией, где Заира — в белом свадебном платье!

— Она была замужем? — поражаюсь я. Ведь это все меняет. Это след, зацепка. История о похищении просто умирает.

— Нет-нет, — Люба аж подсакивает. — Это она меряла платье, когда подруга выходила замуж. У нас обычай такой — мерять платье невесты, чтобы горя не знать.

Ничего себе фантазия! О таком обычае я никогда не слышала, как не слышали о нем и мои друзья-чеченцы. Значит, факт замужества скрывают. Интересно, потому что она была вдовой или потому что муж тут тоже очень при чем?

Но Люба говорит о другом.

— Заира молилась, да. Но и я молюсь, и муж мой молится, все мы молимся. А после войны так вообще мы постоянно молимся. Война, нам страшно. Мы так спасаемся от страха. Понимаете?

Я киваю. Она немного успокаивается, кладет руки на колени.

— Ну так вот, Заиру на второй день проводили из Калиновской в Наурский район. Родственницы мои посадили ее прямо в автобус. Автобус поехал. Но она так и не приехала. Пропала моя девочка — как в воду канула. Исчезла.

Это в воскресенье было, а в понедельник ко мне приехали два мужика. Один — мулла с Комсомольского. Привез записку: «Заира вышла замуж. Город Грозный, площадь Минутка, тейп Белгатой». Я спросила: как замуж?! Аж не поверила. Она уже, понимаете... — Она вдруг замешкалась. — Жених у нее уже был. Валид, он в Казахстане живет, а на осень у них свадьба назначена была.

Она так увлеченно, не останавливаясь, ведет свой рассказ, что невольно закрадывается мысль — может, она просто боится остановиться и сбиться? Она волнуется, но все ее волнение — в речи, восклицаниях, интонациях. Сама же неподвижна, как большая кастрюля с опарой.

— Ну так вот, когда мужики эти пришли, я на них кинулась прямо как львица, «[де моя девочка, — кричу. — Ничего не знаю, верните мне девочку». Мулла дает мне 200 долларов и говорит, что он ни при чем, а просто передает деньги — калым, — как его попросили. Я после него побежала к Медине, родственнице нашей. Говорю: где Заира? Она: так я ж ее проводила на автобус. И ну давай мы рыдать: девочку у нас украли. И тетка пришла, тоже рыдать стала.

Стоп! Какая-то каша получается: приходит человек, платит калым за дочь, которая якобы ПРОСТО вышла замуж, а ее мать бежит по родне, ревет как белуга и причитает, что девочке — конец.

Что-то ничего не сходится.

— Я спрашиваю у этого муллы: откуда деньги и записка? Моя девочка не собиралась замуж! Оказалось, что ему Ахмед Хамзаев из Беркат-Юрта дал этот сверток и просил отвезти. А Хамзаеву это дала женщина лет 40–45. Она ему сказала: девочка согласна, отвези 200 долларов ее родителям.

Смотрите, какой поворот: Люба вдруг начинает называть имена, которые она просто не может знать, если ее дочь действительно похитили незнакомые люди. И сразу же, как дочь исчезла, мать с ней прощается навсегда...

— Люди ко мне приходили, плакали, вспоминали, какой Заира была. Женщины в черных платках приходили даже. Все! Потеряла я свою девочку!

— Как вы потом о ней известия получили? Меньше чем через месяц случился «Норд-Ост», неужели до этого вы о ней так ничего и не узнали?

Она вытаращивает глаза и опять начинает тараторить:

— Я и подумать не могла, что она там. Клянусь вам, даже не думала. Как «Норд-Ост» случился, я все три дня смотрела телевизор.

— А где он у вас стоит?

— У нас нет телевизора, я к соседке бегала смотреть. Не узнала ее там.

— Люба, а почему тогда вы бегали к соседке смотреть передачи, высматривали ее

там, если вы даже и думать не думали, что она может быть в Москве?

Подножка, понимаю. Но надо же расставить все по своим местам в этой неразберихе.

Она спохватывается.

— Соседи сплетничали: вон, мол, там твоя Заира, как похожа на твою Заиру одна!

Заира Юпаева была убита выстрелом в голову

— Люба, по телевидению показывали всего двух девушек, которые стояли рядом с Мовсаром Бараевым. Они вообще не похожи на Заиру!

Она бормочет что-то невнятное. 1:0. Продолжаем очную ставку.

— Люба, как вы думаете, ее совершенно случайно похитили или это были люди, которых она знала? Все было рассчитано заранее?

— Если бы дочка никого не знала в этой машине, она бы в жизни туда не села!

— В какой машине, Люба? Ее же посадили в автобус?

— Так этот автобус посреди дороги остановила черная «Волга». И Заира в нее пересела.

Я в недоумении.

— Ну, так говорят. Люди, которые были в автобусе. Да и Ахмед Хамзаев, который приходил ко мне с запиской, он так и сказал, что она сама села в эту «Волгу». Что ее позвала Мадина Дугаева, ее подруга — она там была, в той машине. Вот поэтому Заира туда и села не боясь.

Маленькое пояснение: чтобы вы немного поняли, что же происходило на самом деле. Заира действительно села в черную «Волгу», которая преградила путь автобусу. За рулем машины сидел, как вы уже могли догадаться, бывший сотрудник британо-американской разведки Руслан Эльмурзаев, который 30 сентября 2002 года ездил по Чечне и собирал «человеческий материал» для теракта.

Заира села в машину оттого, что увидела выглядывавшую оттуда подругу и одноклассницу Мадину Дугаеву.

Оказывается, когда шел активный поиск женщин, которые должны были участвовать в теракте, Мадина, ярая ваххабитка, посоветовала одному из вербовщиков Заиру. «Правильная, хорошая девочка».

— Моя девочка была очень доверчива. Наивна. Если с ней начинали говорить о Боге, она просто замолкала, сидела и слушала. Разговорами о Боге ее можно было повести куда угодно.

— Но кто вел с ней такие разговоры? Кто потащил ее туда?

Она на секунду замолкает.

— Мадина Дугаева часто к нам приезжала в гости, они подолгу могли разговаривать. Она потом и адрес наш дала тем людям... И Мадина, и Заира! носили закрытый платок. — Она явно намекает, что они сдружились на почве религии.

— Давно Заира его носить стала?

С нее вмиг слетает суетность — громкий голос, эмоциональные жесты.

— Как пацана моего убили, так она его и надела. В 2000 году это было, мы так искали его, по тюрьмам, по знакомым. А потом мне принесли его паспорт весь в крови. Убили моего пацана.

Как я выясню потом, Ахмед Юпаев воевал на стороне ваххабитов, был очень религиозным человеком. В 2000 году его убили в бою под Урус-Мартаном.

Она просит младшую дочь принести какой-то пакет. Потом бережно достает оттуда потрепанный паспорт. Титульный лист залит кровью, на нем — отпечаток чьего-то большого пальца.

— У нее, наверное, обида осталась?

— Да. Боль какая-то. Она часто вспоминала брата. Других ребят, с которыми дружила и которых убили потом. Книжки религиозные читала. Платок носила. Изменилась она с той поры. А в последнее время, незадолго до своего исчезновения, она просила меня: «Мамочка, если меня похитят, чтобы замуж забрать, не оставляй меня! Найди обязательно!». Так часто она мне это повторяла, так умоляла. Подойдет, обнимет: «Мамочка, ты найдешь меня, если меня увезут?».

— А почему она так говорила? Ее что-то беспокоило?

Люба на секунду замолкает.

— Да нет вроде бы. Она веселая была, когда так говорила. Но, видно, что-то ее беспокоило, о чем она не хотела говорить. Может, ее Мадина уговаривала, — и Люба тут же спохватывается: — Ну, в смысле замуж выйти за кого-то, а она не хотела.

В соседней комнате неожиданно появляется высокий чеченский старик в папахе из седой овечьей шкуры. Прихрамывает, опирается на трость. Пока мы разговариваем, он неслышно, словно тень, ходит по комнате и что-то ищет.

Тут я понимаю, что он не просто что-то ищет, он еще и вслушивается в нашу беседу. Настороженно, напряженно, не произнося ни слова.

Наконец выходит, обувается и закрывает за собой дверь. И Люба произносит то, что, видимо, так боялась произнести при муже:

— Мне бы найти ту женщину, которая передавала записку. Ту, взрослую. Если бы я ее встретила, я бы из нее котлету сделала.

— Какую женщину?

— Ту, которая их обманула, ездила собирала их. Полная такая, лет сорока. Я поехала искать ее в Беркат-Юрт, но не нашла. Там я так реветь стала, схватила этого Хамзаева — он там же был — и давай его трясти: верни дочку!

А он меня отшвырнул и так грубо сказал: чего орешь, вон у мужика из Беркат-Юрта (речь идет о Наби, отце Марины Бисултановой. — Авт.) тоже дочку увезли, так он не орет и не дергается! Ой, как я на него кидалась. Говорю ему: ты войны хочешь? Ты хочешь, чтобы я из ФСБ кого-нибудь привезла? А он мне в ответ: «Не поднимай шум, а то и дочке твоей будет плохо, и тебе тоже». Я и замолчала и вернулась ни с чем.

— Почему?! Ведь Заира вас просила найти ее, если что-то случится.

Люба, нерешительно разводя руками:

— Да, наверное, могла бы... У меня знакомый хороший в Наурской ФСБ работает, можно было бы к нему пойти. Но этот мужик, Хамзаев, он ведь сказал, что будет хуже, если шум поднимать.

Странная история. Ваххабитская семья Юпаевых, оказывается, «имеет хорошего знакомого в ФСБ». Но когда исчезает дочь, мать, несмотря на просьбы дочери, предупреждавшей мать о том, что скоро случится, все-таки никуда не обращается. Не ищет дочь. Не спасает.

— Люба, вы проводили траур по Заире, когда узнали, что она убита?

— Нет, что вы. Я боюсь. Сажу и не дергаюсь. Начнутся разговоры, сплетни пойдут про этот «Норд-Ост», а у меня еще три пацана растут. Боюсь я.

А теперь стоит пояснить, чего же на самом деле боятся Люба и ее муж Башир. И почему они не пошли в милицию и ФСБ. И почему они, дрожа, боятся даже провести траур — своего рода поминки — по убитой дочери.

Они знали. Все знали. С кем общалась дочь, кто увез ее в тот же день, что и Марину Бисултанову, — 30 сентября 2002 года — на черной «Волге».

Отец Заиры — старый седой Башир — дал добро тем людям, что посадили его дочь в машину и увезли навсегда. Когда его вызвали в ФСБ, он недолго отпирался от того, что знал, кто и куда увезет его дочь.

— Как? Зачем? — хочется кричать, стучать кулаками по столу, схватить его за воротник и закричать что есть мочи: «Как ты мог продать свою дочь?!»

Цена Заиры — 30 тысяч долларов.

Им, наивным дуракам, пообещали, что их дочь вернется домой. Но предупредили, что риск велик. Чаша весов недолго дрожала: 30 тысяч долларов и жизнь одной из дочерей.

И Башир, подумав, дал добро.

В дни «Норд-Оста» он даже не ходил смотреть телевизор к соседке. Его семья была ваххабитской, телевизор в доме иметь не полагалось. Бегала Люба. Высматривала, надеялась увидеть ее, свою крови-ночку. Они, как звери, затаившись, ждали развязки.

Развязка оказалась страшной. Их дочь задохнулась, а потом ей прошили голову пулями. Они проиграли.

30 тысяч долларов перевесили жизнь дочери.

Башира после теракта вызвали в ФСБ Наурского района и сказали:

— Мы знаем, кому и за сколько ты продал свою дочь. Так вот, если ты шелохнешься и надумаешь тихонечко свалить, мало тебе не покажется.

Я не знаю, плакать или злорадствовать: Башир не получил ни копейки. Его обманули.

Он не может никуда переехать. Живет под бдительным оком спецслужб. Он не смог даже похоронить свою 25-летнюю дочь. А самое страшное у чеченцев — не предать тело земле. Считается, что душа не находит приюта на небе и обречена на вечное скитание.

И Башир отныне никогда больше не будет спать спокойно, пока его дочь мается между небом и землей.

...Теплый день 30 сентября. Заира возвращается со свадьбы, ее перехватывают по пути и сажают в машину. Надо ли объяснять, откуда эти люди знали, где будет в этот день Заира? Где ее легко, без сцен и вопросов, можно забрать? Эх, старый Башир...

Заира видит в машине свою подругу Мадину Дугаеву. Ей она доверяет: с Мадриной они столько часов говорили об Аллахе, о священной войне мусульман, об убитом брате Ахмеде.

Заира, ничего не подозревая, садится в «Волгу». Смеется. Машина трогается с места.

Потом ей скажут, что отец дал добро на ее участие в спецоперации, которая остановит войну в Чечне. Мадина успокаивает разволновавшуюся Заиру: «Я тоже еду туда. Сам Аллах выбрал нас. Не бойся, сестра. Мы не должны дрожать. Инша Аллах, все получится!».

Хорошая добрая Заира замолкала, когда с ней говорили об Аллахе. Люди из джамаата выбрали ее. Отец благословил ее на эту операцию.

Выхода нет. Оставшееся до Москвы время послушная Заира будет готовиться: молиться, слушать песни, восхваляющие шахидов. Рядом с ней все время будет Мадина, поддерживающая ее морально. Заира боится, но отступить некуда.

Ее оставили одну. Отец. Мать. Остался только Аллах, и она усердно будет ему молиться, она будет хвататься за него, как утопающий за соломинку.

Ведь кроме Аллаха у нее уже никого не осталось.

Этим девочкам не повезло: они попали в смертельный капкан, из которого не было выхода.

Только смерть.

У них не было идеи, ради которой можно было бы погибнуть. Они были молоды и красивы, они любили жизнь и хотели жить.

Когда за ними пришли вербовщики — словно коршуны, вцепившиеся в свою добычу, — их родители отошли в сторону. Побоялись. Продались за деньги.

И их девочки получили по пуле в голову.

...Другая судьба была уготована тем, кто зазывал девочек на этот смертельный маскарад. Тем, кто давал адреса, имена возможных жертв. Тем, кто приезжал за ними и уводил навсегда.

Они, равно как и жены известных полевых командиров, вышли живыми. И это еще

одна страшная тайна «Норд-Оста».

Мадина Дугаева

Дугаева Мадина Мовсаровна родилась 13 января 1978 года в селе Самашки Ачхой-Мартановского района Чеченской республики. При себе имела удостоверение Чеченского госуниверситета на имя Душевой М.М., ассистента кафедры актерского мастерства (как и адрес, оно оказалось ненастоящим). А также две открытки с текстом: 1) «Любимой сестре Мадине от ее любимой, единственной и неповторимой сестры Иман, 27.04.2001 г.», 2) «Поздравляю с днем рождения. Желаю много счастья. С любовью. Амина и мама».

В паспорт было вложено 14 любительских фотографий. Адрес недействителен. Мне доподлинно неизвестно, была ли убита Мадина спецназом или ей удалось спастись.

Зато известно то, что эта девушка не собиралась умирать — ей обещали спасение в первую очередь.

Мадина — непростая девушка. Да, она идейная ваххабита. Но ее никак нельзя назвать религиозным фанатиком, приехавшим в Москву, чтобы распрощаться с жизнью.

Нет-нет, Мадина была не такой! Хотя то, что вы видели и слышали, может сбить вас с толку. Потому что Мадина — это та самая «сестра-шахидка», стоявшая слева от Мовсара Бараева на пленке НТВ.

Мадина была в маске. Она преимущественно молчала, и лишь когда корреспондент обратился к ней, выдала одну реплику:

— Ну, что тут еще добавишь...

Поразительное красноречие, не правда ли? Мадина, если внимательно просмотреть видеозапись, держится на редкость спокойно и уверенно.

А когда корреспондент спрашивает, знают ли они, шахиды, о том, что самоубийство — грех, она лукаво усмехается!

Поразительно. Я не поверила было, прокрутила пленку еще и еще раз. Она действительно смеялась над вопросом корреспондента!

Может, я что-то не так поняла?

Может, ее лицо выражало презрение к смерти? Может, она смеялась над теми, кто боялся смерти?

Мимика человеческого лица поразительно многогранна. Улыбнуться можно лукаво, трогательно, беззащитно, застенчиво, цинично, зло... Но она, Мадина, не улыбалась — ухмылялась, услышав вопрос: «Готовы ли вы умереть?» По-другому я не смогла истолковать ее усмешку, видит Бог.

Такое ощущение, что все происходящее казалось ей веселым.

Одна из вербовщиц — Мадина Дугаева — хранила в сумочке фотографии и открытки близких людей. Открытки остались в зале, а Мадины — след простыл

Значит, она играла? Вот тут, перед объективом, в заминированном якобы ДК, в окружении спецотрядов МВД и ФСБ — она смеется?!

Как она может смеяться, находясь на волосок от гибели? Откуда такая самоуверенность и спокойствие?

Просматривая много позже материалы с фотографиями убитых террористов, я не нашла данных на нее. То ли ее по каким-то причинам не идентифицировали, то ли ее там —

среди мертвых — и вправду не оказалось. Паспорт — был. А была ли среди убитых Мадина — точно сказать не могу. Я не нашла ее среди мертвых. Возможно, потому, что искать ее надо среди живых.

Но кто же она такая? Какую роль играла в подготовке этого спектакля, что при исполнении — уже на «сцене» — ей доверили главную роль?

Уроженка Наурского района Мадина Дугаева — молодая женщина, занимавшаяся активной вербовкой девушек для теракта. Все ее братья-боевики живут кто в Турции, кто в Азербайджане. В Чечне осталась больная мать да несовершеннолетняя сестра Амина.

Мне доподлинно известно, что Мадина, например, завербовала Заиру Юпаеву. Она активно советовала кураторам, кого из девочек — своих знакомых — лучше взять «туда».

Видимо, за эти заслуги перед «высшим советом» Дугаева и была удостоена чести стоять перед видеокамерами и играть роль одной из «старших» сестер.

Важный нюанс: стоя перед объективом, Мадина то и дело поправляет свой хиджаб, закрывая лицо, и надвигает шапочку на лоб. Видно, что она очень беспокоится о том, можно ли ее будет узнать в таком виде, и делает все возможное, чтобы закрыть лицо как можно больше.

Мадина знает, что тот самый «высший совет» обещал ей выход в первую очередь, но все равно беспокоится: мероприятие-то совсем не шуточное!

Вы удивлены? Вы спросите: «Какой выход?!» Я отвечу вам: террористам обещали выход из здания. Спасение. В первую очередь — мужчинам и родственникам авторитетных боевиков. Спасать должны были Мадину Дугаеву, вдову Бараева и еще одну женщину, так ни разу не снявшую маску в ДК.

Это рассказал мне один боевик из селения Старые Алды, лично знакомый с вдовами Арби Бараева и Зелымхана Ахмадова, а также знавший почти всех, кто организовывал теракт, на самом «низком уровне» — в Чечне, Ингушетии, Дагестане.

...Поэтому Мадина была так потрясающе уверена в себе, стоя перед видеокамерой. Она знала, что играет роль. Что обманывает сейчас всех — и этого наивного корреспондента, и этих наивных людей, сидящих в зале, и тех, кто сейчас трясется от страха там, за стенами Театрального центра.

Она знала, что ее братья, обладающие авторитетом среди боевиков в арабском мире, не допустят ее гибели. Участвует в «Норд-Осте» она только для того, чтобы не внести своим отсутствием панику среди женского состава, особенно среди тех, кого она вербовала лично. А еще потому, что женщин на «Норд-Осте» и так катастрофически не хватало. Недаром же их собирали по всей Чечне, насильно увозя из дома — даже тех, кто ни за что не хотел умирать.

Марьям (Зура) Маршугова, вдова Арби Бараева

ФСБ России еще в дни захвата заложников официально объявила, что «возглавляет смертниц вдова Арби Бараева Зура», фамилию ее при этом не указав. И правильно сделал. Потому что Зура среди убитых не значится. По имеющейся у меня информации, она вышла живой из окруженного здания. А жить со своей не объявленной ФСБ фамилией ей будет гораздо проще.

Зура была одной из жен Арби Бараева. Ее настоящие имя и фамилия — Марьям Маршугова (Зура — второе имя), ей около 25–30 лет. Сразу после «Норд-Оста» была вывезена в Азербайджан или Турцию и в родной Алхан-Кале больше не появлялась. Ее брат Алихан Маршугов распустил свой отряд боевиков после штурма «Норд-Оста» и, по неофициальной информации, тоже выехал за пределы Чечни.

ОМОН Чеченской республики побывал в доме Маршуговой сразу после штурма Театрального центра. Ее младшая сестра объяснила, что Зура четыре месяца как гостит у родни в Азербайджане. Проведя тщательный обыск в доме главной «шахидки» «Норд-Оста», омовцы не нашли ничего компрометирующего вдову, кроме... огромной стопки

порнолитературы, пособий по улучшению сексуальной жизни с огромным количеством иллюстраций — поз, видов ласк и т. д., а также видеокассет порнографического содержания.

Вдова Зелимхана Ахмадова

Уроженка села Старые Алды.

Вторая жена Зелимхана Ахмадова. Детей от него не имела.

Первая жена Зелимхана имела от него двоих детей. Это и убергло ее от смертельного похода на «Норд-Ост»

Она играла одну из главных ролей в этом страшном спектакле. Ее миндалевидные черные глаза завораживали, зачаровывали.

— Какие глаза! — восклицали и мужчины, и женщины, глядя на экран телевизора.

Эту женщину выбрали неспроста. Ее восточная красота обращала на себя внимание, приковывала взгляд и больше его не отпускала. На протяжении трех суток все телеканалы мира демонстрировали пленку, снятую телеканалом НТВ. И все это время сияла красота черноглазой чеченки, стоящей рядом с Мовсаром Бараевым и, немного волнуясь, отвечавшей на вопросы телевизионщиков.

— Зачем вы пришли умирать сюда? Вам не жалко невинных людей?

— У нас в Чечне каждый день убивают женщин, стариков, детей. И ничего.

— Почему вы выбрали именно это место для проведения теракта?

— По велению Аллаха выбрали.

Голос дрожит, но держит себя с достоинством, словно бросает вызов всем, кто находится по ту сторону объектива камеры. Ее руки постоянно теребят проводки детонатора. Комментаторы сразу поясняют: она намекает, что в любой момент может их соединить и отправиться в рай.

Она якобы пришла мстить за любимого мужа. Она ни перед чем не остановится. Она страстна, горяча, и месть ее клокочет, как раскаленная лава.

Частые обращения к Аллаху подчеркивают ее решительную религиозность.

Словом, молодая красавица не намерена шутить, и плевать ей на сотни невинных людей.

По своим источникам я пытаюсь выяснить, кто же она?

Как ни бьюсь — стена. Потом я пойму причину этого странного — повсюду — молчания. Эта женщина жива. Она вышла из здания ДК и сегодня находится в безопасности — за границей.

Самые важные женские персоны на «Норд-Осте» — вдовы авторитетных боевиков Арби Бараева и Зелимхана Ахмадова, одного из представителей известнейшей за пределами Чечни династии похитителей людей.

Когда для теракта срочно нужны были женщины, да желательно еще — носительницы громких фамилий, выбор Басаева и Масхадова пал на одну из жен Зелимхана Ахмадова.

Первую — безумно красивую девушку с огромными черными глазами — все-таки исключили. У нее от Зелимхана остались маленькие дети.

У другой жены — тоже красавицы с миндалевидными глазами — детей не было. После смерти Зелимхана она, как утверждает один из боевиков, немало гуляла. Благо ваххабитские законы прямо предписывают: «Женщинам нельзя скорбеть по мужу более четырех месяцев и десяти дней, а потом, когда завершится ее идда (период траура), ей следует подумать о новом браке».

Поэтому именно эта женщина — уже свободная и бездетная — поехала в Москву.

Для поддержки этого громкого мероприятия. Конечно, этой красавице пришлось немало понервничать, но она точно знала — ее выведут из окруженного ДК.

И ведь вывели же.

Уникальное фото: известный боевик Зелимхан Ахмадов в кругу семьи

а вот вторая жена Ахмадова была бездетной, потому и была отправлена в Москву

Есира Виталиева

Генпрокуратура РФ официально подтвердила, что женщина с такой фамилией числилась среди организаторов теракта.

Этой женщине около 40 лет. Она плотного телосложения, с широким круглым лицом.

Долгое время Виталиева была единственной женщиной в отрядах Масхадова и Басаева, участвовавшей в самых сложных горных переходах и военных операциях.

Вынослива, отлично владеет оружием. По моей информации, сами Масхадов и Басаев поручили ей курировать подготовку женщин-смертниц. Арабы, воюющие в Чечне, провели ее обучение по работе с будущими смертницами.

Это лица тех женщин, которые были убиты во время штурма, но так и не идентифицированы в морге. Сегодня родственники смертниц могут узнать и опознать своих дочерей. Ни одной неопознанной террористки не осталось. Это — все. И больше никаких тайн

Почему это сложное направление поручили именно ей?

Басаев считал, что подготовку шахи док должна курировать именно женщина — ей будет больше доверия со стороны жертвы — будущей смертницы.

Впервые об этой женщине я услышала от отца Марины Бисултановой. Именно бендершу Виталиеву он искал среди фотографий убитых террористов. Не нашел.

Потом о ней же говорили и остальные родители, с которыми мне довелось встретиться. И опять искали ее на фотографиях.

Не находили.

Они ругались последними словами, понимая, что их жестоко обманули. Дело в том, что Виталиева ездила по Чечне и забирала девочек из родительских домов, обещая им — родителям — что будет сопровождать девочек до последнего. Она клялась своей головой, что не бросит их, не оставит, что вернет их домой.

Она жива, а их дочери — нет.

Виталиева была слишком опытной и полезной для Басаева и всех тех, кто стоит за

терактами с использованием шахидок, чтобы просто так погибнуть на Дубровке.

И она была далеко не самым последним человеком в среде боевиков, чтобы согласиться так глупо погибнуть при штурме. Виталиева даже при горных переходах, когда боевики делали видеозаписи своих походов, тщательно прятала лицо, что говорит о ее осторожности и нежелании «светиться».

Свое лицо она прятала и на «Норд-Осте». Практически ни разу она не сняла маску.

Из дневников

10 марта 2003 г.

Наконец-то Москва. Аэропорт Домодедово. Люди шумят, пахнет крепким эспрессо. Выхожу на улицу. Зажмуриваюсь и вдыхаю поглубже.

Хочется, чтобы все осталось там — позади, в салоне самолета, в небе, в Чечне. Потому что слишком больно — знать правду.

Я ведь так хотела ее знать: кто они, зачем. Теперь знаю. И оттого — больно. Потому что знаю о предательстве тех, кого они любили и кому верили.

Словно содрали кожу и посыпали рану солью.

Хочется убежать, забыть, да уже не смогу. В руках — пакет с ИХ фотографиями, пленками. Они не отпустят, я знаю.

Стою и плачу — как ненормальная.

Марина, Заира, Хадчат, Райман — за что с вами так? За что кинули в пекло, из которого было не выбраться?

Они ведь даже не были настоящими шахидками. Так, мистификация, бутафория. Они знали, что могут погибнуть при штурме, но не собирались взрывать людей.

Не поверить бы. Считать их демонами. Черными вдовами. Ненормальными зомби. Так было бы проще для всех.

Так закончилась авантюра, имя которой «захват заложников в Театральном центре на Дубровке»

Сначала и я не верила. Ни тогда, когда мне сказал об этом один полковник ФСБ. Ни тогда, когда подтвердил то же самое подполковник МВД: «Они шли умирать с муляжом на поясах».

Тогда задумалась, когда увидела сжатые кулаки Наби Бисултанова:

— Они не должны были никого взрывать! Им просто нужны были девочки, — и крик в глазах.

Мистификация. Бутафория. Смертельная пляска.

...23 октября они пришли к нам, чтобы и нам сделать больно, чтобы и нам напомнить о том, что мир — он же война.

Они ожидали свою смерть смиренно, отсчитывая последние секунды, отпущенные им Богом.

Газ, по воспоминаниям бывших заложников, шел не менее десяти минут. И в каждой оставшейся минуте они заново проживали свою жизнь.

Кто-то опустил голову на руки и покорно вдыхал газ, приближая неминуемое. А одна из смертниц, вспоминает один из заложников, перед смертью несколько раз рассеянно выстрелила в воздух. Это были как бы ее последние слова отчаяния и безысходности, сказанные этому миру.

Глава 3

«Абдуллах Шамиль» и его шахиды

Сразу после штурма «Норд-Оста» сепаратистский сайт «Кавказ-Центр» (www.kavkazcenter.com) разместил заявление Шамиля Басаева в связи с событиями в Москве, где знаменитый полевой командир взял ответственность за теракт на себя. Как уверяет руководство сайта, текст обращения был передан в редакцию «Кавказ-Центра» сотрудником Гостелерадио ЧРИ, «которое, в свою очередь, было записано чеченским командиром на аудиокассету».

Приведу наиболее яркие фрагменты из этого заявления.

«Хвала Аллаху Господу Миров, Который создал нас мусульманами и облагодетельствовал нас милостью, Джихадом на Его прямом пути. Мир и благословение Мухаммеду, его семье, его асхабам, и всем тем, кто идет за ним по прямому пути до Судного Дня.

Разведывательно-диверсионное подразделение шахидов «Риядус-Салихин» (в переводе с арабского «Райские кущи». — Авт.) провело успешную боевую операцию в самом логове врага, в самом его сердце, в городе Москве. Целью операции была попытка остановить войну, остановить геноцид чеченского народа, а если не получится, показать всему миру, что само руководство Русни без колебания и сожаления сможет уничтожить своих граждан в центре Москвы зверским способом. Заставить всех русистов на своей шкуре почувствовать все прелести войны, развязанной Русней, и вернуть ее туда, откуда она пришла.

...В этой специальной боевой операции участвовало до 40 шахидов, пожертвовавших своими жизнями ради Веры, Чести, Свободы и Независимости нашей Родины. Они у Аллаха нашли свой удел, и дай Аллах нам всем силы, мужества, имана также достойно, прямо пройти до конца на этом пути. Мы восхищаемся их мужеством, их иманом, решительностью, и дай Аллах нам также достойно закончить свой жизненный путь на пути Аллаха и во Имя Аллаха. Аллаху Акбар!»

Есть хорошая русская поговорка: за что боролись, на то и напоролись. Слава Аллаху, сегодня мы смогли вернуть эту войну туда, откуда она пришла. Мы вернули войну в логово агрессора, но, как с изумлением оказалось, это вовсе не агрессор, не воюющая страна. Оказалось, что это ни в чем не повинные мирные жители, которые пошли в театр отдохнуть.

В этой связи невольно задаешься вопросом: а кто же тогда те дети, которые погибли за эти три года бесчеловечной кровавой бойни в Чечне? Кто же тогда те дети, которые стали калеками, без ног, без рук, без глаз, парализованные?

Кто те, кто остался за эти три года круглыми сиротами? Кто те, которые пропали без вести, которые были уведены из своих домов или задержаны на улицах и судьба которых до сих пор неизвестна?

Кто же были они?

...Наши шахиды пришли в Москву не за чьей-то поддержкой, и не за чьим-то общественным мнением, и не для того, чтобы вызвать сочувствие или соболезнование. Они пришли остановить войну или стать шахидами. Они пришли с девизом «Победа или Рай» и обрели Рай. Инша Аллах!

В следующий раз придут те, кто не будет выдвигать каких-либо требований, которые не будут кого-то захватывать. Придут те, чьей главной целью будет уничтожение врагов и нанесение врагу максимально большего урона.

Также я слагаю с себя все должности, кроме Амира разведывательно-диверсионного батальона шахидов «Риядус-Салихин», слагая с себя все обязательства, кроме обязательств по отношению к семьям шахидов, и призываю весь чеченский народ еще теснее сплотиться вокруг президента ЧРИ Аслана Масхадова, а всех шахидов призываю встать в ряды разведывательно-диверсионного батальона шахидов «Риядус-Салихин».

Амир разведывательно-диверсионного батальона чеченских шахидов «Риядус-Салихин» Абдуллах Шамиль Абу-Идрис.

1 ноября 2002 года

Информация к размышлению

Шамиль Басаев — один из самых одиозных чеченских полевых командиров. Именно он возглавлял теракт в городе Буденновске Ставропольского края РФ, захватив местную больницу (1995 год). Много людей были взяты в заложники, после чего убиты в ходе спецоперации. Проходил боевую подготовку в Афганистане (1994 год), в Турции захватывал теплоход «Аврасия» (1996 год).

После захвата заложников на мюзикле «Норд-Ост» в Москве Басаев взял ответственность за теракт на себя и объявил о создании батальона «чеченских шахидов», грозя России новыми, более страшными терактами.

Генерал ФСБ А. Михайлов в книге «Чеченское колесо» пишет, что «с представителями спецслужб у Басаева были вполне деловые отношения»: так, например, в 1997 году в редакцию газеты «Свободная Грузия» поступили материалы, свидетельствующие о причастности Басаева в период его службы в армии к агентурному аппарату КГБ.

Генерал ФСБ пишет далее: «Это обстоятельство не раз спасало его от смерти. Две группы его кровников, отправившиеся, чтобы ликвидировать Басаева, были уничтожены спецназом ГРУ (Главное разведывательное управление Минобороны РФ). Была ли эта случайность, установить не удалось».

В газете «Версия» была опубликована сенсационная статья о тайной встрече Шамиля Басаева и главы президентской администрации Александра Волошина на Лазурном берегу Франции в августе 1999 года — накануне начала предвыборной кампании по выборам президента России.

Французская разведка предоставила редакции фотографию с запечатленными на ней Басаевым и Волошиным. (Никакого опровержения на статью в газете «Версия» со стороны Кремля так и не последовало.)

О чем говорили опасный террорист и глава кремлевской администрации, осталось неизвестным, однако спустя месяц Басаев инициировал вторжение своих боевиков в Дагестан.

А потом были взорванные дома в Москве и Волгодонске. И была та же паника, ужас от невидимого, но расползающегося «чеченского терроризма».

Премьер-министр Владимир Путин обещал «замочить террористов в сортире» и ввел войска в Чечню. Этим Путин завоевал симпатии избирателя, который, как принято у нас в России, голосует не умом, а сердцем.

Тогда-то, на волне страха перед террористами и доверия молодому и энергичному, обещавшему «найти и уничтожить», прошли президентские выборы. Произошла смена власти от Ельцина к Путину.

Вопросы без ответа: Почему именно спустя 4 года, аккурат накануне президентских выборов, Басаев опять проявляет свою активность? Почему именно Басаев угрожает президенту Путину новыми терактами накануне выборов? Кто злорадно хочет напомнить президенту России о его обещании уничтожить терроризм? Кто, наконец, на самом деле является заказчиком женщин-шахидок в России?

Из дневников

12 марта 2003 г.

Раскладываю перед собой фотографии «норд-остовских» девочек, которых силой забирали из дома, и перечитываю заявление Басаева: «до 40 шахидов, пожертвовавших своими жизнями ради Веры, Чести, Свободы...»

Интересно, спросил ли кто-нибудь Марину Бисултанову о том, хочет ли она

умереть в девятнадцать лет. Пусть даже ради «веры, чести, свободы».

Умереть недостойно, как заявлял Басаев, а позорно, как животное. Не будучи даже похороненной, а, провалявшись на полу в груди таких же несчастных, просто сожженной в печи?

Я не знаю, где он, рай, — но тут, на земле, ее ждал суший ад.

Какие райские кущи? О чем вы?

Никто ведь не знает о том, что было на самом деле.

Ложь — куда ни взгляни. И мы живем этой ложью и верим этой лжи. А что нам остается? А что остается тем, кто живет в Чечне? У кого и вправду остались калеками дети, погибли мужья?

Верить. Соглашаться на провокацию.

Ведь они — и Марина, и Заира, и Хадчат — могут повести за собой других.

Из дневников

Тех, кто не знает правды.

Тех, кому на самом деле нечего терять.

Тех, кто поверит словам мужчин, говорящих им о Боге и о мести за убитых мужей, сыновей, братьев.

Глава 4 Они пришли в Москву

«Норд-Ост» отшумел, все вздохнули. Самое страшное, мол, миновало. Напугали, конечно, эти шахидки до полусмерти. Но их уничтожили. Выстрелом в висок — пиф-паф. И слава богу, можно теперь жить спокойно. Терроризм под контролем.

Мы все так думали. Мы все надеялись. Хотели надеяться.

А ведь Шамиль Басаев предупредил, что в следующий раз придут те, кто не будет выдвигать требований, а будет просто убивать.

И это случилось.

Спустя девять месяцев. Тушино. Рок-концерт. Наши дети. За что?

Никто не понял, что «Норд-Ост» был всего лишь репетицией. Что нам всем нужно было приготовиться к чему-то более серьезному. Подумать. Извлечь уроки. Ведь Басаев говорил о «втором пришествии» шахидов еще в ноябре прошлого года.

Конечно, не мы с вами — простые жители российских городов — должны были думать об этом ежечасно. Наша милиция. Наши спецслужбы. Это они должны были найти эти страшные «базы подготовки». Уничтожить — нет-нет, не женщин, которых готовили в шахидки, — уничтожить тех, кто их использовал. Кто хотел убить их самих, да при этом еще детей наших забрать с собой.

Если бы полгода назад этих людей стерли с лица земли — им и мы, и освобожденные «шахидки» спасибо сказали бы.

Потому что они тоже, как и наши дети, хотели жить. Выходить замуж, рожать и растить детей. Счастья, солнца, жизни хотели они.

Но спецслужбы не смогли. Или не захотели. Или и то и другое вместе. Я знаю, о чем говорю: никто из тех, кто занимался вербовкой смертников на «Норд-Ост», не понес наказания. Они все живы. Находятся на свободе. И эти дома — в которых жили перед отправкой в Чечню смертницы, — целые и невредимые. И в них опять привезут новых жертв.

Эти люди, вербовщики, расставляют новые сети, рыщут по Чечне в поисках несчастных девочек, только-только начинающих жить, но уже познавших горе.

И эти девочки уже на пути к нам. Они уже здесь. Оглянитесь.

Вот, смотрите: на нее повесили пояс и выпускают в толпу. Чтобы убить ее. Нас.

Наших детей. Наши мечты. Нашу жизнь.

Зулихан Элихаджиева и Мариам Шарипова

Темноволосая девушка, подойдя к билетным кассам на тушинском аэродроме, где 5 июля стартовал рок-фестиваль «Крылья», вдруг останавливается.

Через несколько секунд раздается взрыв. Девушка падает на землю. Кровь хлещет из разорванного живота. На месте пояса зияет пустота.

В очереди перед кассой начинается паника. Но жертв еще нет.

Никто вокруг не начинает поиск «сопровождающего» — того, кто привез смертницу на место. Кто обязательно находится где-то рядом и следит за развитием ситуации.

Никто из сотрудников милиции, коих немало было в Тушино в тот день, не начинает экстренный досмотр более-менее подозрительных личностей. Хотя понятно, на кого следует обратить особое внимание, — на молодых темноволосых девушек с поясами-сумками или просто в просторной одежде, нервничающих в толпе.

Зулихан Элихаджиева

Ничего. И спустя примерно 15 (!) минут в нескольких метрах от взорванной смертницы раздается очередной взрыв.

Еще одна — темноволосая, молодая, с поясом взлетает на воздух. Взрыв гремит сильный, не то что предыдущий. 50 человек, находящихся в радиусе поражения, получают те или иные ранения.

11 человек гибнут на месте. Еще 4 умрут в больнице.

От второй смертницы уже не остается ничего, кроме головы и верхней части туловища. Если при ней и были какие-то документы, они сгорели.

За теракт в Тушино, шокировавший Москву, министр МВД объявит благодарность столичной милиции за то, что те... не пропустили террористок на фестиваль и предотвратили большие жертвы.

При первой, оставшейся практически целой благодаря неудачному взрыву девушке найдут документы на имя 20-летней уроженки чеченского села Курчалой Зулихан Элихаджиевой.

Я позвонила в Чечню своему знакомому сотруднику МВД республики.

Мариам Шарипова

— Да, конечно, мы уже в курсе. Один из моих сотрудников был немного знаком с этой семьей.

Ты знаешь, там достаточно темная история.

Родители говорят, что дочку полгода назад похитили боевики. Ну, помнишь, ты когда по «Норд-Осту» работала, тебе все родители говорили то же самое. А у самих рыльце-то в пушку.

Помнишь девочку, про которую ты писала? Ну, что отец плакался, что его дочку похитили? А сам ваххабитом оказался и знал всех, кто увез, зачем и когда.

Ну так вот, я думаю, что отец Элихаджиевой тоже знал. По моей информации, он тоже к ваххабитам имеет отношение. У него сыновья — известные ваххабиты, а один — Магомед Элихаджиев — был даже эмиром, то есть военным начальником курчалоевского джамаата. Его чуть больше года назад в Старых Атагах убили. И второй брат ее тоже боевик, он сейчас в Ингушетии находится.

Мне вчера сотрудник рассказал о них. Там вроде так было: приехала за девчонкой какая-то женщина, вроде из Ингушетии, сказала: собирайся, поедем. Точно такой же сценарий, как по «Норд-Осту». Она вроде бы не хотела, родители вроде бы не хотели ее отпускать.

Но у девушки этой голова уже запудренной была. Она к своим двадцати годам два раза была «замужем», и оба раза за арабами-наемниками. А выдавал ее «замуж» брат. Его она слушалась, боялась и любила. Братья ваххабиты, мужья те еще идеологи, воспитание соответствующее. Что мужик сказал, то она и делает...

Элихаджиева на стадионе «Тушино» после теракта

Ну вот, женщина за ней приехала и сказала, что пора. Ее ждут там. Ждут так ждут. Она села в машину и поехала. Полгода ее готовили. И отец — знал. И все знали. Как ты думаешь, если дочь похитили, почему он не воевал за нее, почему в милицию не пошел? Все знали, я не удивлюсь, если за нее он еще какие-то деньги получил, чтобы уж точно сидел да помалкивал.

О том, что дочь вряд ли «похитили и увезли в неизвестном направлении», говорит и информация Объединенной группировки войск в Чечне, датированная 8 июля: «Вчера в Курчалоевском районе спецназовцы обнаружили три пояса смертников. Пояса состояли из пластита и металлической «начинки» и были обнаружены в тренировочном лагере боевиков в селении Никихита».

Значит, можно предположить, что Зулихан и ее напарницу могли готовить в том же Курчалое, неподалеку от родного дома.

Спустя несколько дней после тушинского теракта ФСБ установит фамилию неизвестной смертницы, летевшей с Зулихан одним и тем же рейсом из Ингушетии: Шарипова. Жена охранника одного из полевых командиров.

А 20-летняя Зулихан, как показала посмертная медэкспертиза, была беременной.

Зарема Мужихоева

Центр Москвы, Тверская-Ямская. Ресторан «Имбирь». Время — около 22.30. Возле входа в ресторан появляется женщина. Да-да, темноволосая, совсем молодая. С какой-то черной сумкой в руках.

Сотрудники вневедомственной охраны кафе замечают, что она ведет себя как-то странно: идет по улице, словно не знает — куда и зачем. Она явно чем-то напугана. Нервничает.

— Что с вами, девушка? — обращается к ней охранник кафе.

Складывается ощущение, что девушка только и ждала, когда на нее обратит внимание милиция. Она тут же останавливается. Глаза странные, напуганные.

— Что это у вас в сумке? — начинают о чем-то догадываться милиционеры.

— Пояс шахи да.

— А ну-ка, дайте-ка ее сюда, — милиционеры выхватывают сумку из девичьих рук.

Свидетели этого ночного происшествия вспоминают, что девушка как-то странно несла сумку: опустив в нее другую, свободную от ноши руку.

То есть времени взорвать ее у нее было достаточно. Хотела бы умереть, так,

едва завидев направившегося к ней милиционера, сразу бы соединила клеммы. И отправилась бы к Аллаху. Нас же убеждают, что все шахидки — зомбированные смертницы, мечтающие о рае.

Но поведение этой девушки говорило о другом. Она не хотела умирать. Она словно нарочно подошла к ресторану, возле которого стоял сотрудник милиции. Специально обратила на себя внимание, чтобы он спросил, чтобы остановил.

Чтобы забрал у нее поскорее эту сумку, черт возьми!

Она не хотела умирать — разве это не понятно?

Следователи уже на следующее утро подтвердят, что девушку кто-то сопровождал.

Этот человек получит большие деньги за убитых при взрыве. Больше жертв — больше гонорар.

Идти дальше со смертницей он не решился. Побоялся. Помните: «здравый смысл и инстинкт самосохранения». Он, ходящий за девушкой по пятам, словно кот, нацепивший мышку на коготь, вдруг побоялся.

Отпустил и приказал быстренько найти что-нибудь помноголюднее и там взорваться.

Это спасло девушку. Как могло бы спасти и тех, кто взорвался в Тушино, если бы только их отпустили подальше, перестали держать «под прицелом».

Зарема Мужихоева на допросе

Вырвавшаяся девочка побежала туда, где ее должны были заметить. Потому что ей — 22-летней Зареме Мужихоевой — очень хотелось жить. И не хотелось убивать ни в чем не повинных людей.

Девушку задержали и уже на следующее утро отвезли в следственный изолятор ФСБ. Давать показания.

И опять — то же самое.

Зарема якобы находилась под воздействием психотропных веществ. Всю ночь она называла вымышленное имя и возраст. Утром выяснится: девочке всего 22 года, ее зовут Зарема Мужихоева, всю жизнь она прожила в горном селении Бамут, после того как ее дом был разрушен авиационными ударами российских войск, бежала к дедушке с бабушкой в станицу Ассиновская Ачхой-Мартановского района.

Сирота — отец погиб. Мать во второй раз вышла замуж и уехала в Грузию.

Несколько лет назад Зарема вышла замуж и родила дочку. Но мужа убили, а ребенка забрали его родственники. Долгое время она пыталась увидеть дочку. Однажды ей все-таки это удалось: родственники мужа позволили ей издалека взглянуть на нее одним глазком.

Когда рыдающая Зарема возвращалась после этого домой, к ней в автобусе подседа незнакомая женщина.

— Что случилось, чего плачешь, красавица?

И Зарему словно прорвало. Она рассказала незнакомке все — и про разбитый дом, и про убитого мужа, и про дочку, которую она, быть может, никогда больше не увидит.

Женщина слушала, гладила ее по голове и успокаивала. А потом позвала к себе. Так Зарема и оказалась в доме, где из нее стали готовить шахидку. И вербовщицей опять выступила женщина.

Те, кто знал семью Мужихоевых в Ассиновской, говорят, что Зарема была взбалмошной, дедушку с бабушкой не слушала, часто пропадала из дома. Из-за войны окончила всего семь классов.

Так что вскоре семьей этой «трудной» девочки стала ваххабитская община.

Сломленная, одинокая Зарема очень переживала, что никогда не сможет увидеть

своего ребенка. Это было ее горем, ее трагедией.

Да что там, Зарема ведь только-только исполнилось двадцать два! Она сама еще ребенок. Люди, которые сделали ее шахидкой, хотели убить этого ребенка, потому что за него некому отомстить.

Когда ее везли на допрос, она неустанно повторяла:

— Ненавижу вас, русских. Вы ночами летаете, нас бомбите. А сами живете как люди. За что вы нас убиваете? Я бы никогда не вышла замуж за русскую собаку. Потому что вы нас убиваете. Аллахом клянусь, я бы взорвала вас! Я не струсилась, я просто не успела!

Очевидцы, в том числе работники милиции, утверждают обратное: взорваться она могла бы уже не один раз, да только струсилась.

На допросе в ФСБ Зарема выглядела как несчастный подросток. Слезы на глазах. Дрожащие руки. Постоянные фразы о том, что «вы, русские, нас бомбите и убиваете». (Ее дом в Бамуте был разбит российской авиацией, и на это болезненное-воспоминание делали ставку те, кто готовил Зарему в «живые бомбы».)

Следователи установят, что Зарема прилетела в столицу за два дня до теракта, рейсом из Ингушетии. В Москве ее встретила незнакомая женщина и отвезла на съемную квартиру. Как утверждает девочка, она все два дня была одна, женщина, представившаяся Любой, сама привозила в квартиру еду и соки, «от которых болела голова и хотелось спать».

А потом Люба приехала к ней вечером накануне теракта и, посадив в такси, привезла в центр города, дав в руки сумку.

О содержимом сумки Зарема знала уже давно. С тех пор, как ее поселили в доме боевиков и готовили в шахиды.

Но Зарема не смогла привести бомбу в действие.

Потому что все еще надеялась увидеть свою маленькую дочь.

Ничто — ни наркотики, ни ярая религиозная обработка, ни жестокое с ней обращение — не смогли убить в ней надежды.

Найти своего ребенка. Выйти замуж. Быть счастливой.

Она же женщина. Мать. И она любит свою дочь так же, как вы свою. И жить хочет, и надеяться, и любить.

Но кто и почему пытается отнять у нее на это право?

Из дневников

11 июля 2003 г.

«Кто они, эти женщины, посеявшие смерть?» — спрашиваю я себя. И отвечаю: да просто женщины. Но у них, в отличие от нас, нет надежды на завтрашний день.

Каждый наступающий день нес новые беды. Пропадали без вести близкие, гибли страшной смертью дети, мужья и братья. От родного дома остались руины.

Тоска, с каждым днем становившаяся все острее, переходила в острую физическую боль (вспомним актрису Зару, ставшую сердечным хроником после гибели любимого брата), делалась нестерпимой.

Это как если бы вы порезали палец и пошла кровь. Но на следующий день, когда он стал подживать, его бы еще раз полоснули ножом. А потом еще и еще раз. Так палец никогда не сможет зажить, потому что каждый день его режут заново.

А если это происходит с вашим сердцем?

Шахидкой женщину делает не зомбирование и не нейролингвистическое программирование.

Жизнь — вот ее психологическая подготовка к самоуничтожению. Инструктору только и придется довести ее отчаяние и тоску до точки кипения. Когда жить дальше с этой болью станет невыносимо.

И предложить смерть как выход. Как переход в другое состояние — радостное, невесомое. Пообещать ей встречу с близкими, которых нет уже в этой жизни.

Готовясь к смерти, женщина заново переживает всю свою жизнь. И эти дни — перед смертью — будут самыми острыми, самыми яркими в ее жизни.

И в этих ярких прожитых днях ей некогда даже будет подумать о тех, кто стоит у нее за спиной. Кто при — возит взрывчатку, которая разорвет ее на клочки. Кто подсыпает в еду психотропные препараты, блокирующие волю и здравый смысл.

Ей сейчас слишком больно и слишком страшно, чтобы думать еще и о том, что люди, твердящие ей об Аллахе, держат ее за пушечное мясо.

Глава 5

Как женщина превращается в куклу

*Чьих невольница ты идей?
Зачем тебе охотиться на людей?
Ты попала к настоящему колдуну,
Он загубил таких, как ты, не одну!
Словно куклой, в час ночной Теперь он сможет управлять
тобой!*

*Все происходит, как в страшном сне,
И находится здесь опасно мне!*

Песня «Кукловод», исполнялась группой «Король и Шут» на рок-фестивале в Тушино в тот момент, когда взорвалась первая шахидка.

Но как они становятся зомби? Как живая молодая женщина может превратиться в орудие убийства?

Я год занималась женщинами-камикадзе. Ездила по Чечне, встречалась с родственниками погибших, с людьми из джамаата, с сотрудниками спецслужб. Я думаю, что спустя год имею право делать какие-то выводы.

Вывод первый: из десяти шахидок только одна будет настоящей — идейной, во что бы то ни стало желающей отомстить и погибнуть. Остальные девять — блеф.

Вот у меня перед глазами отрывок из «уникального доклада, подготовленного в 1985 году для руководства тогдашнего КГБ» и посвященного надвигающейся с Ближнего Востока угрозе использования женщин-смертниц при проведении терактов («КП» от 11.07.03): «По мнению исследователей, изучающих психологию терроризма, женщина как исполнитель террористической акции представляет большую опасность. На этапе исполнения, а особенно ценою жизни, трезвый расчет... может привести... мужчину к отклонению от запланированного. Женщина редко меняет свое решение».

Проще говоря: мужчина дорожит своей жизнью, а потому — может дрогнуть. А женщина внушаема, психологически неустойчива и легче соглашается на смерть.

Этот миф КГБ, а теперь и ФСБ настойчиво пытается вдолбить в наши головы. Это и есть та самая пропаганда. Врага нужно возвести в ранг злодея, колдуна, фанатика — чтобы бороться с ним долго, нудно и — без результата.

Правда — она всегда есть. Ее только нужно найти. Не верить лжи. Открыть глаза. Попытаться понять и осмыслить.

Это я к чему? Да к тому, что почти никто из тех женщин, взорвавших себя — в Чечне, в Москве, — НЕ ХОТЕЛ умирать.

Не они убивают. ИМИ убивают.

Все идеалы джихада, священной борьбы мусульман, в Чечне перевернули с ног на голову.

Не осталось ничего, кроме грязи. Кроме шантажа, похищений, сексуального насилия и психотропных препаратов, под действием которых женщину отправляют на смерть.

Где, в какой Палестине, вы видели беременную «живую бомбу», предварительно избитую и накачанную наркотиками?

Но кто скажет вам об этом? О том, как чеченские мужчины ставят своих женщин «на путь Аллаха».

Всех «невест Аллаха» я разделила бы на две категории. Их вербовка и подготовка для роли «живой бомбы» происходит, соответственно, по двум разным сценариям.

«Неудачница»

30-40-летняя вдова или просто женщина с неудавшейся жизнью и сложной судьбой. Она может как не иметь детей вообще (по причинам личным, медицинским и т. д.), так и потерять их на войне (они могли быть убиты солдатами, случайными — или несчастными — снарядами).

Такая женщина вследствие тяжелой душевной травмы или неудовлетворенности своей жизнью может быть обращена в ту ветвь ислама, которую в Чечне принято называть ваххабизмом.

Вербовщики никогда не оставят такую женщину в покое. Ее найдут и, «узнав» о ее горе, начнут помогать и успокаивать. Как известно, легче всего втереться в доверие к человеку, находящемуся в тяжелом душевном состоянии.

Женщина начнет успокаиваться. Ее будут уважать, называть сестрой, может даже, ее опять возьмут в жены. Может пройти немного времени — от года до пары месяцев — и за жертву примутся специальные люди, ее ближайшее окружение. Они начнут читать ей религиозную литературу, дадут послушать религиозные песни, цель которых — пропаганда джихада и шахидства.

С женщиной начнут вести беседы — скорее всего, это будет ее новоявленный муж или близкая подруга — об Аллахе, джихаде, рае, ее убитых близких.

Например: Райман Курбанова, сестры Хаджиевы, Асет Гишлуркаева, Малижа Мутаева, Зарета Долхаева (все — «Норд-Ост»), Айза Газуева (взорванный военком Урус-Мартана), Яха Угурчиева (ее, по моим сведениям, тоже готовят в смертницы).

Это все, что осталось от террористки в Илсхан-Юрте (Фото газеты «Жизнь»)

«Невеста»

17-25-летняя девушка, чаще всего — из ваххабитской семьи, где женщинам прививают культ поклонения мужчине, или девушка, выросшая без родного отца и не имеющая кровника — того, кто отомстит за ее позор или гибель.

Она наверняка симпатичная, послушная, привыкшая подчиняться мужчине. Если она из ваххабитской семьи, то наверняка уже к двадцати годам имеет несколько неофициальных браков. В ваххабитской общине принято делиться женщиной, использовать жену друга и давать ему свою — распутство прикрывается замечательной формулой: «Все друг другу братья и сестры и должны делиться между собой».

Чаще всего отец девушки в курсе происходящего, но что он может сделать, ведь он — часть этой самой общины.

Если у девушки нет кровника, дело даже облегчается. Ее «похищают» — вроде как берут в жены, потом используют, иногда снимая групповой секс на видеокамеру, — и «компромат» готов. Опозоренная мусульманка уже никуда не денется. О подобном случае мне рассказывали в Алхан-Кале: кто-то решил шантажировать Арби Бараева, пустив его

родную сестру «по кругу» и запечатлев все на видеопленку. Бараев вывез сестру в поле и... застрелил.

Девушки «с прошлым» абсолютно зависимы от своих «братьев». У них нет шансов выйти замуж, вернуться в семью — «опозоренные», там они никому не нужны. То, что для европейской женщины считается нормой — добрачный секс, смена половых партнеров и даже мужей, для мусульманки — смертный грех и позор.

Например: Зарема Инаркаева, Марина Бисултанова, Хава Бараева, Зулихан Элихаджиева, Зарема Мужихоева.

Не буду чернить всех подряд: среди смертниц этой возрастной категории есть чистые, неиспорченные и богобоязненные девушки. Скорее всего, на войне они потеряли любимых братьев и даже мужей. У них есть мотив для мести, и хотя они не стремятся умереть, все равно готовы принять мученическую смерть после массивной атаки на них. Скорее всего, девушка будет из ваххабитской семьи и ее же родной отец может дать добро на использование дочери в качестве «живой бомбы», особенно если ему будет обещано денежное вознаграждение.

Например: Хадчат Ганиева, Заира Юпаева, Секимат Алиева.

Этап первый: вербовка и похищение

Как выглядит их похищение из дома?

«Неудачницы»

Жертву начнут отдалять от родной семьи постепенно. Семейей ей теперь становится джамаат-ваххабитская община, где все друг другу «братья и сестры», а главный — «отец» — амир джамаата.

Отрезание женщины от родной семьи — одно из самых важных условий подготовки ее в качестве «живой бомбы». Сама жертва узнает об отведенной ей роли в последнюю очередь.

Итак, первое и главное условие при работе с «неудачницей» — сократить общение с родными до минимума и, по возможности, перевезти женщину в дом «нового мужа» или просто в другое село, к новым, «близким» ей теперь людям.

«Невесты»

Похищение почти всегда выглядит одинаково. Домой к девушке приезжает женщина — обычно ей 40–45 лет, годящаяся ей в матери. Это очень важный нюанс — именно женщина, «мать», духовная наставница, подруга, когда нужно-успокаивающая или проявляющая силу. В ваххабитских семьях девушки воспитаны на поклонении мужчине, он — воин, защитник. Женщина — подруга, союзница.

Женщина приезжает на машине — с помощником-мужчиной, которого «жертва» должна знать, — это на тот случай, если придется применить силу.

Торг с родителями особого значения не имеет. Они обращаются к девушке: «Какие мама и папа, когда тебе сказали — НАДО!». Ей могут предъявить какие-то счета, мотивировать уход тем, что пришло время отомстить за брата, мужа и т. д. «Тебя зовут», — говорят они и открывают дверцу машины.

И жертва уезжает. Потому что боится — расправы, компромата, шантажа или чего-то еще.

Девушку увезут на глазах у родителей, в лучшем случае оставив им 200 долларов — чтоб молчали и не дергались. Но они будут молчать и без денег. Потому что тоже боятся — шантажа, расправы или чего-то еще.

Этап второй: изоляция и подготовка

«Невест», как и «неудачниц», тоже должны оторвать от родной семьи. Изоляция — одно из первых условий успешной подготовки. Если девушка еще не проходила обучение в каком-нибудь Исламском центре Баку, ваххабитской подпольной школе Чечни или Ингушетии (тогда ее долго готовить вообще не нужно), то подготовка растягивается от нескольких недель до полугода максимум.

Итак, куда вывозят будущих смертниц? Российская ФСБ не устает повторять о существовании неких «баз» и «лагерей подготовки смертниц».

В свою первую поездку в Чечню я пыталась узнать, где же находится та самая зловещая «база»? Или их несколько?

Представитель ФСБ как-то мялся и в конце концов сказал, что «баз несколько и все они находятся в горной части Чечни».

Сейчас я уже ни у кого не спрашиваю, что это за базы и в каких они горах.

Смертницы «Норд-Оста» были ухоженные, со свежим маникюром. То, что в горном «лагере смертников» им делали маникюр, представляется весьма сомнительным.

Айза Газуева никуда из Урус-Мартана не отлучалась, ни в каких горах перед взрывом себя и военкома не отсидивалась.

Хава Бараева — первая камикадзе Чечни — за пределы Апхан-Калы почти не выезжала. Единственное место, где она могла быть, — Баку, со множеством исламских институтов, учебных центров. Ни для кого не секрет, что будущих шахидов натаскивают и обучают радикальным идеям именно там. И делается все легально, у всех на виду, только вывески у этих заведений приличные.

Я думаю, что спецслужбы не могут об этом не знать.

Тогда получается, что нет на самом деле никаких баз, лагерей, тренировочных центров?

Есть. Конечно есть. Женщину нужно подготовить к акту самоубийства, накачать ее религиозными идеями, идеалами, отрезать от мирской жизни, настроить на определенный лад.

Что для этого нужно? Я отвечаю: очень мало. Изоляция, тишина, чтение Корана и определенная музыка.

А нужна ли для этого горная база? Специальный лагерь?

Нет. Повторяю еще раз: изоляция, музыка и молитвы. Все.

Эти «базы» существуют. Но выглядят они как простые жилые дома — просто потому, что они ими и являются.

В этих домах живут по несколько готовящихся к смерти женщин и их наставники. Внешне все выглядит вполне обычно, ничего демонического.

Обычный сельский дом, обычные занавески на окнах, обычные половики — все обычное.

Безусловно, эти дома находятся в не совсем обычных селах — в тех, в которые не рискнут ехать без подкрепления даже спецподразделения МВД. На въезде в такое село стоит какой-нибудь мальчишка, который, заметив незнакомую машину, тут же «сигналит» по рации ее приметы. В селе машину уже встречают «хвостами», окружением, а потом, заметив что-либо подозрительное, могут открыть огонь с разных сторон.

Названия этих сел вам назовет любой сотрудник ФСБ, да что там — любой житель Чечни. Эти села знают. Не могут не знать.

Итак, женщин привозят в один из таких населенных пунктов. Обычно они живут по две-три. Смертницы и их наставницы, выступающие в роли «подруг». Мужчины обязательно будут рядом — новые мужья, друзья убитых родственников, инструктор по «пропагандистской работе». Бежать жертва уже не может. Ее охраняют и днем, и ночью. Все время она находится под бдительным оком наставницы и инструктора.

Если женщина попала в руки к этим людям, с ней можно попрощаться. Назад она

уже не вернется.

Как проходят ее дни в этом заточении?

С будущей шахидкой почти круглосуточно общаются, вспоминая убитых (если они есть), накручивая жертву эмоционально; если убитых нет и ярко выраженных мотивов, соответственно, тоже — с жертвой говорят о священной борьбе, рае, покое, долге.

Женщинам очень много читают вслух Коран, ваххабитскую радикальную литературу, цитируя и повторяя избранные места.

Пять раз в день смертница молится — за этим всегда следят наставники, которые молятся вместе с ней, вдохновляя своим примером.

Кроме Корана, звучащего даже из магнитофона на арабском языке, будущие шахидки обязательно слушают самого известного в Чечне «вдохновителя и идеолога шахидизма» певца Тимура Муцараева.

Этот боевик из отряда Доку Умарова обладает весьма незаурядным, с жесткой хрипотцой, голосом и поет сильные эмоциональные вещи.

Все его песни — о рае, об ушедших навсегда друзьях, о том, что они не погибли, а только ушли в райские просторы. О райских птицах, о прекрасных гуриях, которые ждут праведников в раю. О том, как трудно и тяжело бороться. Как горько хоронить братьев и сестер. О том, что «орел войны кружится над нами». О боли, о долге, о памяти.

Я, человек безумно далекий от джихада и мусульманской веры, услышав эту песню в первый раз, замерла. Что-то всколыхнулось — там, внутри. Что-то зашевелилось. У меня не было убитых на войне братьев. Но у меня, как и у каждого из вас, была своя трагедия в этой жизни.

Похороны деда. Похороны друга.

Частицы света вводят в шевеленье,
Лишь только тьма покажется им нудной,
Внезапно раздается голос трудный:
Всевышний воскрешает нас в день судный.
Для дачи воздаяния ступеней,
Где грешники получают муки ада,
Низвергнутся в геенну с ними черти,
Другие ощутят Эдема тверди.
Лишь будут порываться к новой смерти
Все, кто погибли на стезе джихада.
С пророками в одном ряду шахиды,
И им обещан горизонт покоя,
Они же не хотят уйти из строя,
Бойцов Аллаха призывая к бою,
Своих друзей, и слышен ритм нашиды...
Они ушли, они ушли — в иные, вечные пространства
И за пределами земли приобретают постоянство,
Они находят свой покой, ютятся в саду у райской птицы,
И все же с болью и тоской я вспоминаю эти лица...
Я не забуду никогда
Тот смут и бесконечный хаос
И вспоминаю, задыхаясь,
Друзей, ушедших навсегда,
Героев падших череда,
Камней надгробных галерея,
Но в памяти моей всегда
Живут их лица не старея.
Но... Кличет командира связь.

В ответ — молчание эфира,
Его судьба оборвалась,
И он уже не в этом мире...
Сквозь боль, обугливаясь враз,
Он вскрикнул, заживо сгорая:
«О, милосерднейший Аллах!
Позволь мне наслаждаться раем!»
Но... Кличет командира связь.
В ответ — молчание эфира,
Его судьба оборвалась,
И он уже не в этом мире...
Они ушли, они ушли — в иные, вечные пространства
И за пределами земли приобретают постоянство,
Они находят свой покой, ютятся в саду у райской птицы,
И все же с болью и тоской я вспоминаю эти лица...
Оставшись Господу верны,
Пройдем мы жизни круговерти.
А те, кто бросил вызов смерти,
Уходят в лучшие миры...
В сердца проник
Сквозь артиллерии раскаты
Клич, вдохновлявший наших братьев:
«Аллах един, Аллах велик!»
В глаза нацелена война,
И гибло множество амиров,
Но в памяти лишь имена,
Что часто слышались в эфире:
«Муджаит, Кибарт, Халифат,
Барс, Янычар, Марат и Сокол»,
Их голоса уже молчат,
Иссякли их земные сроки.
Они ушли, они ушли — в иные, вечные пространства
И за пределами земли приобретают постоянство,
Они находят свой покой, ютятся в саду у райской птицы,
И все же с болью и тоской я вспоминаю эти лица...
И павших братьев хороня,
Мы не забудем эти лица,
И вновь суровые гробницы
Растут из пепла и огня.
Печаль на бесконечье лет:
Один дотла сгорел в мечети,
Второй в сраженьи пал, а третий
Погиб, нарвавшись на снаряд.
С душ соскоблив земную грязь,
Ушли два брата,
И никогда уже на связь Асхаб не вызовет Заката,
Не шутит больше и Афган,
И Ягуар не в мире этом,
С улыбкою ушел Аслан,
Навечно озаренный светом.
Они ушли, они ушли — в иные, вечные пространства
И за пределами земли приобретают постоянство,

Они находят свой покой, ютятся в саду у райской птицы,
И все же с болью и тоской я вспоминаю эти лица...

Вспоминала и я. Лица тех, кто был дорог и кого уже не будет со мной никогда. Мои друзья, прослушав привезенную из Чечни кассету, так же угрюмо и задумчиво слушали эти песни.

Я поняла их силу: в каждом из нас под слоем цинизма, заскорузлых обид, побед живет маленький наивный ребенок. И он хочет верить в то, что после смерти мы не умрем. Что живут — там, на небе — наши близкие и любимые. И что мы встретимся с ними — там.

Разве не так?

Сила этих бесхитростных стихов — поистине великая. Эти песни, исполненные под гитару, ложась на музыку, приобретают совсем иное — мощное, как напор воды, звучание.

И во-вторых, да будет вам известно, все имена, все позывные вот в этой, к примеру, песне — настоящие.

А у каждой чеченской женщины есть свой мотив для мести. У каждой из них за последние несколько лет в доме были похороны. У сестер Хаджиевых пропал без вести брат, которого забрали при зачистке. У актрисы Зары и у Заиры Юпаевой погибли братья-боевики. Асет похоронила мужа. Райман, у которой не было детей, всю свою жизнь болела сердцем за других...

Возможно, каждая из этих женщин услышала в этой песне что-то свое. Свое родное имя. До боли родной радиопозывной.

И они, считая себя сильными, решили «бросить вызов смерти».

Они ведь считали, что это геройство. Что это подвиг. Бросить вызов и уйти в райские сады.

Песни, на которых воспитывают шахидов, — а я доподлинно знаю, что именно на песнях Муцараева их воспитывают и готовят, — будят в нас маленького ребенка.

Заглушают разум. Подавляют волю. Будят чувства, обиды, эмоции.

Женщины, которых готовили в смертницы «Норд-Оста», сутками слушали Муцараева на этих самых «базах» (где они готовились, я расскажу чуть позже).

И в последнюю ночь перед штурмом, понимая, что конец уже близок, они опять слушали эти песни-там, в захваченном ДК. Они ждали российский спецназ. Они ждали смерть. Боялись и хотели найти слова успокоения.

Этот храм будет взят, и зло уйдет,
Солнца диск на закате вдруг зайдёт,
И огонь вдруг низвергнут небеса,
Божий храм озарит пророк Иса.
Горы пепла и огня,
В храм войдут твои войска.
Ты молитвам их внемли,
Души в вечность забери...
О Аллах, дай нам истину понять,
В трудный час дай нам силы устоять.
В мире сем искуситель сатана,
Лишь джихад, лишь джихад — и жизнь ясна.
Впереди — ждут жестокие бои,
Впереди — ждут врага полки,
И в огне будет долго мир пылать.
О Аллах, будут все к тебе взывать.

Без этих песен они уже не могли обходиться. Слово наркотик, песни усыпляли страх, успокаивали. Давали ответы на вопрос: «Ради чего мы сейчас умрем?».

Внушали, что со смертью ничего не закончится, а только начнется.

И рай. И молочные реки, и кисельные берега.

Но слушанием пропагандирующих шахидство песен, изоляцией и чтением Корана подготовка не ограничивается.

Будущим «живым бомбам» все время внушают мысль о том, что положение только ухудшается, война разрастается, что с каждым днем становится все хуже и хуже. А это, безусловно, легче делать в том случае, когда человек изолирован и не знает истинное положение дел.

Им озвучивают их «миссию» — остановить войну. Принести себя в жертву. Ради уже убитых и тех, кого обязательно убьют: матери, отца, братьев, сестер, детей. Ради них нужно стать «на путь джихада».

Грязные технологии

Если спустя какое-то время нужных сдвигов в сознании женщины не происходит и она категорически отвергает идею своего самоподрыва, инструкторы начинают использовать психотропные средства, заглушающие волю, делающие из человека марионетку.

Это — один из самых грязных и страшных моментов подготовки «невест Аллаха». Наркотики, стимуляторы — вот какие приемы используют те, кто готовит «свадьбу».

Примеров предостаточно. Хава Бараева, Зарема Инаркаева. «Норд-Ост» тоже не обошелся без «поддержки». Доктор психологических наук, профессор, член Российской академии медицинских наук Анастасия Карпенко в послесловии к воспоминаниям заложницы «Норд-Оста» утверждает, что во время захвата здания женщины-шахидки практически не спали все трое суток, «а это возможно лишь при использовании высокоэффективных, дорогостоящих психостимуляторов, находящихся на вооружении спецслужб».

Но «Норд-Ост» — лишь одно свидетельство того, насколько грязные методы используют те, кто посылает молодых женщин на смерть.

— Зарема Инаркаева была под воздействием наркотических или психотропных веществ, когда прогремел неудачный взрыв в Старопромысловском РОВД Грозного.

— Марета Дудуева, которая вела грузовик в сторону российского блокпоста, но была обстреляна и выжила, тоже, как утверждает источник в МВД республики, была под воздействием психотропных.

— Неизвестная смертница, подорвавшая автобус с военными в Моздоке, была под воздействием психотропного. К такому выводу пришла военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа, ознакомившись с результатами медицинской экспертизы фрагментов головного мозга террористки.

— Некая смертница, назвавшаяся Луизой Осмаевой, была обстреляна милиционерами при попытке подрыва российского блокпоста в июне 2003 года, прожив в больнице всего сутки и скончавшись от «сильного истощения организма в результате регулярных побоев и применения психотропных препаратов»; она находилась на четвертом месяце беременности, когда ее отправили на смерть.

— Обе террористки, взорвавшие себя в Тушино во время рок-фестиваля, находились под воздействием психотропных веществ, это показала медэкспертиза их останков.

— И, наконец, последний неудавшийся теракт на Тверской-Ямской улице Москвы совершила 22-летняя чеченка, «в крови которой, по предварительным данным, обнаружили психотропные вещества».

Это все — информация российской ФСБ.

Неправда, что жертву обязательно будет «качать» и она начнет неадекватно себя вести, как при наркотическом опьянении. Если препараты дорогостоящие, те самые, «стоящие на вооружении спецслужб», — внешне все будет выглядеть естественно. Просто

женщина станет невозмутимой, четко выполняющей поставленную задачу.

Этап третий, заключительный

Только наркотиками и психотропными грязные технологии не исчерпываются. Когда подходит час икс и смертницу — одну или в паре — нужно везти на место теракта, начинается самое неприятное. Женщине вешают на пояс взрывчатку. «Пояс шахида» не так-то легко и быстро снять, зато инструктор, находящийся неподалеку и пристально наблюдающий за жертвой, заметит эти попытки и приведет взрывчатку в действие радиосигналом.

Поэтому практику с сумками после неудачного подрыва Заремы Инаркаевой практически больше не используют: жертва может резко поставить ее и отскочить в считанные секунды. И тогда план рухнет.

...Помните, что «живая бомба» — это прежде всего женщина. Молодая женщина. И ей очень не хочется умирать, будьте уверены.

Когда ее везут на место теракта, она наверняка думает о том же, о чем мне поведала чудом выжившая Зарема Инаркаева:

«Сейчас! Вот сейчас! Интересно, я боль почувствую или не успею? И что от меня останется? И кто меня похоронит? Или вообще не похоронят — как убийцу? Как же умирать не хочется, мама!

Пока я думала, оно и рвануло. Шамиль в машине взрывчатку привел в действие».

Вот что рассказывала мне Зарема.

Вы можете ей поверить — она не врет. Незачем ей врать.

Я внимательно изучала последние минуты жизни женщин-камикадзе. («Норд-Ост» — самая массовая атака «шахидок» — как вы помните, завершился тем, что НИ ОДНА женщина не привела в действие взрывчатку. Если не верите в то, что у них на поясах были муляжи, успокойте себя тем, что самостоятельно ни одна из смертниц так и не смогла убить себя.)

И только самые первые случаи самоподрыва можно с уверенностью назвать САМОПОДРЫВОМ.

Что я имею в виду? То, что в остальных случаях почти всегда не сама женщина приводила в действие свою взрывчатку. Пока шахидка входила в толпу, она все время находилась в поле зрения нескольких инструкторов.

Один ее неверный шаг; свидетельствующий о попытке бежать или замешательстве, — и куратор приводил в действие взрывчатку дистанционным управлением.

Он же, куратор, почти всегда мужчина, сохраняя «трезвый расчет», как сказано в докладе ФСБ, четко оценивал ситуацию и, как только возникала помеха, могущая прервать операцию, — набирал заветный код и отправлял женщину к Аллаху. На «свадьбу».

Об этом факте спецслужбы предпочитают умалчивать. Напрасно. Ведь получается, что сами «шахидки» — не убийцы, а жертвы убийц.

Это не ОНИ взрываются. Это ИХ взрывают.

Похищают, готовят, одевают взрывчатку, под охраной привозят на место, выпускают в толпу, и, пока бедняга мечется в толпе, ища спасения, тот, кто привез ее на место, набирает код и женщина разрывается в клочья.

Какой код? Какой шифр? — спросите вы.

Объясню: почти каждый мальчишка в Чечне знает, как работает фугас и как его можно заложить. Во взрывчатку — фугас — монтируется радиоуправляемый механизм, который приводится в действие самым обычным с виду мобильником. Перед этим его как-то потрошат, что-то кладут, что-то, наоборот, вынимают.

Кладешь и на расстоянии набираешь запрограммированный шифр. Взрыв.

Этому искусству обучили сотни, если не тысячи чеченских пацанов в лагерях Хаттаба. Мальчишкам показали, как изготавливать фугасы и взрывать российских военных.

Время прошло. Теперь подросшие чеченские парни взрывают не российских солдат — чеченских женщин.

Глава 6 Кто может стать следующей?

Но не надо думать, что это — конец.

Это — лишь начало.

Почти все женщины, с которыми вы уже знакомы, мертвы. Но на их место идут другие.

И чеченские боевики знают адреса тех женщин, за кем уже можно приходиться.

Я, конечно, не могу с точностью швейцарских часов указать время следующего теракта и следующую «невесту Аллаха». Но могу с малой погрешностью ткнуть пальцем в одну из знакомых мне чеченских женщин, с которой завтра может случиться беда. За ней могут прийти в любой момент. И она пойдет.

В следующий раз, когда на воздух взлетит очередная женщина, взгляните в ее лицо: не она ли нашла своих детей потрошенными? Не она ли хоронила мужа заживо?

Не она ли пришла к нам напомнить о том, что для нее уже все кончилось...

«Я захотела умереть, увидев сыновей такими» — Яхаугурчиева

Скажу честно: Яха — не ангел из поднебесья. Во время войны она торговала в Грозном оружием. Через нее можно было нелегально купить автомат, гранату и ту же взрывчатку.

Яха осталась одна, без мужа, и ей надо было как-то кормить шестерых сыновей. Ее дети пошли по ее же стопам. Оборванные, грязные, голодные волчата — они промышляли воровством и разбоем. Жили на улице.

Беда пришла откуда и ждали. Одному из ее сыновей — 13-летнему Альберту — какой-то боевик заплатил 100 долларов зато, чтобы он подошел к милицейской «шестерке» и застрелил сидящих в ней двух чеченцев-участковых.

Волчонок, я же говорю: взял деньги, подошел и выстрелил. Наповал. В упор.

Этот выстрел надо считать точкой отсчета гибели Яхи, ее детей и их будущего.

12 марта 2002 года пацаны Угурчиевы выходили из подъезда родного дома по ул. Дьякова, 16. Мальчишек ждали люди в черных масках. Скрутили, и младших — 14-летнего Абдула, 13-летнего Тимура и 12-летнего Альберта — посадили в машины с тонированными стеклами. Люди говорили как на русском, так и на чеченском языке.

26 марта их троих нашли в Шелковском районе Чечни: какой-то пастух видел, как мешки с трупами скинули с вертолета.

В мешках были Яхины сыновья. Точнее, то, что от них осталось.

Вскрытых, с пустой брюшиной и толстыми швами от паха до шеи.

На это невозможно было смотреть. С ожогами, синяками, с разбитыми носами, выпотрошенные — трое мальчиков Угурчиевых.

Ну ладно — месть. Это война, это Чечня. Я еще могу это как-то понять. Как и то, что голодный волчонок, озлобленный на людей в форме, стрелял ПО ЧЬЕМУ-ТО заказу.

Накажите. Посадите. Вы же взрослые, мать вашу так.

Но кишки зачем вынимать? А печенку? А селезенку? А сердца этих троих мальчишек — они где?

Что с ними сделали?

Один из братьев Угурчиевых

Почему пацаны — пустые?! Почему — зашитые мастерским хирургическим швом?!

Кто учинил эту страшную провокацию?

Кто подкинул этих детей обратно, зная, что все чеченцы, увидевшие ЭТО, никогда не смогут ЭТО простить и забыть?

Яха Угурчиева, увидев своих сыновей ТАКИМИ, поседела. Мать разве может такое пережить?

Я нашла оставшихся трех братьев Угурчиевых в лагере беженцев в Ингушетии. Прожив после гибели младших братьев на кладбище месяц, они нашли приют у... людей Аслана Масхадова.

Те дали им облезлую каморку и защиту от МВД и военных. Масхадовские правозащитники держат их как живое свидетельство зверств российских военнослужащих: демонстрируя журналистам следы пыток на их телах.

Старший — Адам — сидел передо мной в сентябре 2002-го не живой, не мертвый. Человек без будущего.

— Я не знаю, зачем живу, потому что в моей жизни нет смысла и надежды. У меня осталось только одно — месть. Я знаю, кто сдал моих братьев русским. Его зовут Абу-Бакар, он из Ленинского РОВД. Он в отместку сдал моих братьев русским. Они сразу не разобрали, кто есть кто, поэтому взяли всех троих. Братья же погодками были. Я живу только тем, чтобы найти и убить этого Абу-Бакара. Мать? Она умерла еще в тот день, когда увидела моих братьев потрошенными. Как цыплят. Она гладила их лица и повторяла: «За что так?». У нас ничего уже нет — ни дома, ни семьи, ни матери, ни братьев. Мы живем только для того, чтобы умереть.

Второй брат

Глаза Адама вспыхивали, когда он говорил о мести, и тут же гасли.

Увидев фотографии вскрытых и зашитых мальчиков, я поняла, чего нужно ждать.

— Где их мать? Где она — Яха?

— Она в Дагестане, — туманно ответили мне люди, давшие кров старшим мальчишкам.

— А что она там делает?

Мнутся. Юлят.

— Ну, ей надо прийти в себя после всего.

Позже я узнаю: Яха Угурчиева, женщина примерно 45–50 лет, после убийства сыновей так и не смогла оправиться от горя. Поседела. А несколько месяцев спустя начала сохнуть и желтеть. «У нее нашли онкологию», — по секрету сказали мне.

После этого Яха куда-то исчезла. И вывезли ее из Чечни люди из джамаата. Уехала она то ли в Баку, то ли в Дагестан.

Я тут же вспомнила Айзу Газуеву, на которую, «узнав, КАК погиб ее муж, словно коршуны набросились люди из джамаата».

Эти люди рыщут по Чечне в поисках таких, как она. И ничего просто так не сделают. Не примут ее сыновей, не устроят ей выезд в спокойное место, не будут показывать фото ее выпотрошенных детей на конференции правозащитников за границей.

Я спрашиваю саму себя: где сейчас Яха, которой уже действительно нечего терять? К чему готовят ее? И когда она придет к нам — чтобы напомнить о своих сыновьях?

Третий брат

«Мое сердце сгорело вместе с телом дочки» — Хейди Исраилова

Так и было. Сила — старшая дочь Хейди — погибла сразу. В ночном пожаре.

Дом вспыхнул из-за попавшего в него снаряда, вылетевшего из БТРа. В БТРе сидели солдаты. Выпили — решили пострелять. Стреляли — попали в спящих дочерей Хейди.

— Сила — ей 24 было — погибла не мучаясь. И детишки ее — тоже. А Хава — нет. Она горела, как факел. Ее потушили. И она уже четыре месяца... Живет? Или уже умерла? Не знаю... У Хавы сгорело 32 процента дыхательных путей — так нам врачи сказали. И выписали ее — говорят, что умирать лучше дома. Но Хава мучается и... живет. До сих пор. Мы ее из трубочки кормим. По капельке. Видите, во что она превратилась, — и Хейди приоткрывает одеяло.

Девочка со сгоревшей кожей и розовыми влажными струпьями. Она так исхудала за эти месяцы, что превратилась в обтянутый ошметками кожи скелет. На ней тонкая хлопковая сорочка и нет трусиков. Хава стесняется, отводит глаза к стене и едва не плачет.

— Я одна детей поднимаю, мужа еще несколько лет назад убили. Тяжело смерть видеть. Тяжко мужа, детей хоронить, — в тишине, пахнувшей лекарствами, плачет Хейди. — Но я ненависти не испытываю к русским. А вот солдат, особенно если они выпившие, — боюсь и ненавижу. Я и детям своим говорю: нельзя ненавидеть всех людей подряд, если тебя обидел кто-то конкретно. Но они не очень слушают. Я за них боюсь — дети подрастают, видят Хаву и хотят отомстить. Они мне говорят: «За что, мама? Что она им сделала? Мама, Хава была такой красивой, а теперь она похожа на скелет и скоро умрет!».

Хейди Исраилова со своими детьми. Сгоревшая Хава — за тем белым окном

Что мне отвечать им? А у нас ваххабиты в Мескер-Юрте стали еще агрессивнее. Люди злые, обиженные — они их к себе зовут. У нас в прошлом году российские военные мужчин из села забрали, на окраине в яму загнали и заживо подожгли. И все это видели. И все от ненависти готовы на что угодно. И дети мои — я за них боюсь. Боюсь, что придут, позовут, и они пойдут — за Силу, за Хаву отомстить.

...Вот уже четыре месяца прошло, как 15-летняя Хава застряла между тем и этим светом. Юный цветок, так и не успевший расцвести. В доме, где живут еще пятеро братьев и сестер, сырой, фиалочный запах смерти. Хава все ждет, когда за ней «придет женщина в белом».

Эту фотографию я делала на крыльце дома Исраиловых. Хава лежала за тем белым окном. Плакало небо — начиналась осень. Я и сама еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться. В объектив фотокамеры на меня смотрели братья и сестренка Хавы. А в глазах Хейди я видела боль, тоску, отчаяние, крик — казалось, скорбь всех женщин Чечни запечатлена в ее глазах.

«Без мужа я уже никто» — Луиза Атабаева о событиях, произошедших весной 2002 года в селе Мескер-Юрт и разбивших ее жизнь

Невысокая, темноволосая, с грустными черными глазами. Вышла замуж год назад. Прожить с любимым человеком успела всего несколько месяцев. А потом пришла весна. Цветущий май 2002 года.

— У нас в селе зачистка была, — сидя под черными виноградными лозами в палисаднике, тихо рассказывает Луиза. — Пришли и к нам. Постучались для приличия, а

потом в дом ворвались. Парней наших — моего Сулеймана и брата его Сулумбека — вывели за двор, где уже БТР дожидался. Их туда — и уехали. Я кричала, плакала, все наши женщины выбежали и вслед за БТРом бежали. Без толку. Потом посчитали — 11 наших мужчин забрали. Все молодые, лет по 20–30. У многих уже жены, даже дети есть. Мы сразу поняли, что нужно ждать беды. А об этом... Мы чуть позже узнали. У нас на окраине села яма большая вырыта. Так вот всех наших мужчин согнали в эту яму. Как, зачем? Ненавидят они нас, поэтому и делают то, что понять умом невозможно.

Пятнадцатилетняя Хава умрет, так и не начав жить

Ну вот, согнали всех. Яма глубокая. Стали перекличку устраивать, документы проверять. Потом объявили, что все наши мужчины — ваххабиты. «А что мы с ваххабитами делаем?» — вот так спросил военный, который там был. Всех жителей потом отогнали от этой ямы, так, чтобы не было видно, что там происходит.

Мой Сулейман так и остался в той яме стоять по пояс голый. И другие парни тоже там стояли. А потом мы увидели дым. И крики. — Она замолкает, сжимает пальцы и отворачивает голову, чтобы я не видела ее слез.

— Они горели заживо. Их облили то ли соляжкой, то ли керосином, и они горели. Крики стояли так долго, что казалось — все сейчас сойдут с ума. И мы — женщины — кричали. Так громко, чтобы они слышали, что мы с ними.

Вытирает слезы. А они все бегут по ее юному лицу.

— Нас потом к этой яме пустили. Они уже успели все землей закидать. И мы потом рылись в ней — искали, от кого что осталось. Кто-то нашел кусочек синего свитера. Кто-то косточку. Кто-то пальцы с ногтями. Это все, что осталось от наших мужчин. Мне сейчас девятнадцать, я только замуж вышла и тут же овдовела. К себе домой не хочу возвращаться, меня уже проводили замуж, я теперь должна с мужем жить своей семьей. А раз мужа нет — с его родителями. У нас не принято бегать туда-сюда. Проводили замуж-все, иди.

Вот так и живу в чужом доме. Помогаю по хозяйству, все по дому делаю. Меня пока никто не гонит, хоть я и не успела даже внука мужниным родителям подарить. Если бы успела, мне было бы легче. И жить знала бы ради чего, и они бы меня точно не прогнали бы. Не спрашивай меня, что будет дальше. Я не знаю. Я живу, как мертвая. Все сгорело со мной в тот день, когда Сулейман горел. Как Аллах даст, так и буду жить.

Луиза встает и идет в дом. На лавочке возле дома сидит ее тесть — старенький сухой Магомед. Он костлявый, как сушеная рыбешка.

Говорит об убитых сыновьях. Кулачок с тростью дрожит.

— Проклинаю себя, что не отдал сыновей Масхадову. А ведь приходили же, звали, оружие давали. Почему не отдал? Я думал: зачем воевать, война, может, скоро кончится. У нас надежда была... Я себя теперь ненавижу за то, что не отпустил ребят в горы воевать. Если им суждено было умереть, они умерли бы как мужчины. Защищаясь. Воюя. А их зажарили, как баранов. Вон у меня еще сыновья растут, я их в горы отдам. Пусть Аслан (Масхадов. — Авт.) забирает их! Там они в надежном месте. Все, что от меня надо, я теперь сделаю. Кого Аслан попросит из наших, отдам — Аллах свидетель! Пусть приходит, забирает. У меня уже ни на что нет надежды.

Из дневников

11 июля 2003 г.

Слушала сейчас его голос, записанный на пленку. Как логично все, господи!

«Кого попросят — отдам. Пусть Аслан забирает!»

Так ведь придет и заберет. И исчезнет эта юная вдова, потому что идти ей больше

некуда — к родителям не вернется, тесть скажет: «Пришел твой черед отомстить». Умирать не хочется, и уходить в горы к боевикам — тоже. Но что она сделает? Кто ее спросит?

Год она ест чужой хлеб. Год она одна, льет слезы ночами. Год она вспоминает, как кричала, «чтобы он знал, что я вместе с ним».

Еще полгода, и Луиза поймет, что ее жизнь не имеет смысла и что надо отомстить за мужа. Она все равно не захочет умереть. Но ее заберут, накрутят так, что она вообще забудет, как ее звать и кто она такая. И потом — отвезут, запустят в толпу и взорвут.

Ее воля уже сегодня молчит. Еще чуть-чуть — и она станет марионеткой в руках какого-то кукловода.

Глава 7 Остановите мужчин!

Я кричу: остановите их! Не женщин — мужчин, убивающих и этих женщин, и нас с вами.

Остановите тех, кто приходит за ними с оружием в руках и уводит за собой. Остановите тех, кто рыщет по всей Чечне и ищет тех, у кого болит сегодня сердце и ранена душа.

Они не остановятся сами.

Им плевать, на жизнь своих же соотечественниц — сестер, матерей, вдов.

Они считают их за пушечное мясо и посылают, обвязанных взрывчаткой, в толпу ни в чем не повинных людей.

Им плевать на нас, на наши жизни и наше будущее. Они считают нас строительным материалом, из которого они делают историю.

Ни у «живых бомб», ни у нас нет выбора.

Погибнут все.

Наши спецслужбы твердят, что спастись от камикадзе невозможно. Нужно только постоянно озираться в толпе и быть начеку. Но как жить — все время озираясь и боясь?

«С шахидами невозможно бороться!» — говорят нам.

«Возможно», — отвечаю я.

На протяжении года наши спецслужбы твердят о загадочных «базах» и «лагерях подготовки» шахидов.

Почему не найдут их и не уничтожат?

Я, 22-летняя журналистка, после двух проведенных в Чечне месяцев узнала, где проходила подготовка смертников «Норд-Оста». И где, кто и как готовит следующих.

Я знаю, а спецслужбы — нет?

Такого не бывает.

Итак, подготовка смертников «Норд-Оста» проходила в двух чеченских селах: Старые Атаги и Дуба-Юрт.

Сюда привозили со всей Чечни молодых женщин, здесь они жили до того, как отправиться с охраной в Москву.

В одном из этих сел дожидался часа икс и Мовсар Бараев.

В этих селах, в обычных сельских домах, на протяжении как минимум месяца жили и готовились люди-смертники.

Об этом знал едва ли не каждый джамаатчик и более-менее вменяемый боевик. Допросите его — и узнаете не только о том, где готовились смертники вчера, но и о том, где они готовятся завтра!

Одно из спецподразделений МВД нагрянуло туда СРАЗУ, как только случился захват заложников. И в этих домах — в Старых Атагах и Дуба-Юрте — нашли целый склад ваххабитской литературы, ученических тетрадок смертников, флагов шахидов, привезенных специально для подготовки из арабских стран, кучу кассет с песнями того самого Муцараева, пропагандирующего джихад и шахидство.

Никто и не прятался. Никто ничего даже не уничтожил.

Откуда я располагаю такой информацией? Боюсь, что мне придется долго и нудно объясняться с ФСБ. Нет-нет, даже не на предмет того, откуда я это знаю, а чтобы, раз уж знаю, не трепала об этом языком.

Примерно такой диалог состоялся у меня в марте этого года, когда я была задержана УФСБ по Наурскому району Чечни. Мою машину остановили на посту ГИБДД, потом, как личность непонятную, направлявшуюся в одно из сел Наурского района, отвезли в управление ФСБ.

В тот день я ехала по адресу одной из шахидок «Норд-Оста». Узнав об этом, начальник районного УФСБ впал в ярость. У меня выпотрошили сумку, порвав даже дно, переслушали все мои кассеты, перечитали все до единой записные книжки.

— Ты откуда это взяла? Ты общалась с боевиками?

— Да, общалась. Я журналист и работаю с разными источниками. С вами работать невозможно — вы же все скрываете, вы арестовываете меня только потому, что я работаю по «Норд-Осту». Почему? Чего бояться спецслужбы? Что кто-то узнает правду?

Молчание. Читают записи. Находят схемы — организация теракта «Норд-Ост» с самого низа и до самого верха. Низ — это те самые Старые Атаги и Дуба-Юрт.

— Откуда ты это знаешь? Кто тебе это дал?

Значит, все правда. И низ, и верх.

— А что, там что-то не так?

Молчит. Ухмыляется.

— С кем ты общалась здесь, в Чечне?

— Со многими людьми.

— Почему ты лезешь в «Норд-Ост»? Ты хоть знаешь, КУДА ты лезешь?

Разговор был долгим и закончился лишь благодаря вмешательству важных людей. Меня отпустили, предупредив, что следующий мой приезд в Чечню может стать последним.

Я не буду сейчас говорить о том, что ФСБ проявляет себя весьма странно в таком сложном деле, как «Норд-Ост» и вербовка смертников. Не буду говорить о том, что меня должны были допросить, узнать, откуда и что конкретно я знаю, но не угрожать и рекомендовать «не соваться».

Но важно другое.

Напоследок, собирая дрожащими руками блокноты и кассеты, я спросила начальника УФСБ по Наурскому району Сергея Ушакова:

— Почему меня, журналиста, который хочет узнать правду об этих женщинах, вы арестовываете и угрожаете, а люди, которые занимаются вербовкой и организацией терактов, на свободе? Почему я знаю, кто они, а вы — нет?

Он усмехнулся.

— Мы знаем всех их лучше тебя. Всех поименно. Ты знаешь лишь десятую часть.

— Но почему вы их не арестуете, почему не раздавите? Вы что, не знаете, что правозащитные организации, базирующиеся в Ингушетии, отправляли людей на «Норд-Ост»? И сейчас готовят новых?

— Знаем не хуже тебя, — выдал он.

— Так почему же? Почему? — В этот момент я самой себе напоминала Незнайку на Луне. — Меня арестовываете за то, что я знаю. А тех, кто готовит и вывозит людей, не трогаете? Почему?!

Он долго смотрел на меня исподлобья. Сжал кулаки.

— Потому что у нас нет такой команды.

Все. Больше не надо ничего объяснять. Все всё знают. Но сверху не давали команды. На уничтожение. На прекращение всего.

Но я все равно скажу то, что озвучила уже в УФСБ по Наурскому району:

— В селах Старые Атаги и Дуба-Юрт действовали базы по подготовке смертников с конца лета по середину октября 2002 года.

— Сегодня особое внимание нужно обратить на горные села Веденского, Шатойского, Ножай-Юртовского районов. Это самые опасные сейчас места, где может идти подготовка женщин-смертниц.

— Один из крупных кураторов этой подготовки проживал до недавнего времени неподалеку от города Бамута. Бамут, прилегающий Ачхой-Мартановский район и Ингушетия сегодня — одни из самых мощных центров подготовки шахидок.

— Ахметский район Грузии и Панкисское ущелье-«тревожные» места, где боевики чувствуют себя в безопасности и в так требующейся изоляции могут готовить смертниц.

— Баку, Азербайджан — центр всего. Ваххабизма, идейной подготовки чеченских смертниц, финансирования терактов из-за рубежа.

Это я знаю из своих оперативных источников. От людей, с которыми общалась в течение всего года — самых разных людей, и с той, и с этой стороны.

Знаю и то, что лидеры бандформирований получили крупный заказ на подготовку женщин-шахидок, который очень хорошо финансируется и не требует никаких затрат от боевиков. И это при том, что реакция СМИ и Запада на подрывы женщин — максимальная.

Самый пик подрывов «живых бомб» планируется на конец 2003 года — накануне президентских выборов. «Невесты Аллаха» будут взрывать нашу надежду на будущее.

И нас всех может ожидать то, чего мы никогда еще не видели.

Именно поэтому подбор «живых бомб» сейчас активно идет по всей Чечне.

На кого обращают внимание в первую очередь?

На молодых женщин из семей, где разорваны семейные или клановые узы или нет отца. На молодых женщин — сестер, вдов боевиков, на женщин из очень религиозных или ваххабитских семей. На тех, у кого в последнее время произошла трагедия в семье. Кто тяжело переживает гибель близких. У кого отчаяние и тоска достигли критической отметки.

На тех в первую очередь, ЗА КОГО НЕКОМУ ПОСТОЯТЬ.

Для того, чтобы такую женщину не превратили в живую бомбу, нужно опередить боевиков.

И предложить ей надежду — вместо смерти, которую предложат они.

Дать работу, гарантию того, что никто больше из ее близких не погибнет ни под ночным обстрелом самолетов, ни в яме, горя заживо. Дать гарантию того, что ее дети пойдут завтра в школу, а не будут уведены без суда и следствия, а потом обнаружены выпотрошенными и зашитыми на свалке.

Нужно дать ей надежду.

И она не пойдет за теми, кто говорит, что ничего уже не будет.

Не пойдет, как пошли 36 молодых женщин, поверивших, что для них все кончено. Именно о таком количестве женщин-смертниц, направленных Шамилем Басаевым в российские города для совершения терактов, сообщило МВД Чечни еще в начале мая этого года.

Ориентировка на смертниц и сопровождающих их мужчин пришла в Москву в конце апреля. Счет погибшим женщинам и их жертвам уже открыт:

— 14 мая, Илсхан-Юрт, религиозный праздник — погибло 26, ранено 150 человек.

— 5 июня, Моздок, автобус — погибло 19, ранено 11 человек,

— 5 июля, Москва, рок-фестиваль в Тушино — 16 убито, 38 ранено.

— 10 июля, Москва, Тверская-Ямская — смертница так и не смогла взорваться, практически сдавшись милиции.

260 женщин, мужчин, детей — жертвы шахидок.

Из 36 взорвались 7, значит, 29 еще живы.

Значит, еще можно предотвратить 29 взрывов. Спасти сотни, а то и тысячи жизней.

Как? Остановить мужчин! Тех, кто сегодня везет этих женщин в российские города — Москву, Саратов, Моздок, Волгодонск, Ростов-на-Дону.

Но вот что непонятно: почему спецслужбы знают поименно тех, кто занимается вербовкой и подготовкой шахидок, но не пресекают их?

Почему вербовщики свободно передвигаются на легковых автомобилях по Ингушетии, а некоторые из них имеют даже спецпропуска?

Хочется кричать: остановите мужчин! Тех, кто, сидя в своих офисах в Ингушетии, находит по спискам пропавших без вести и убитых адреса новых жертв.

Остановите тех, кто продолжает террор в самой Чечне и кто таким образом готовит новый материал для вербовщиков — женщин, в чьи дома недавно постучалась беда.

Я обращаюсь к тем, кто в силах сделать это.

Остановите их!

Дайте надежду этим женщинам.

Дайте надежду всем нам.

Москва, 13 июля 2003 г.

Вместо эпилога

Чеченский террорист Шамиль Басаев объявил о начале проведения серии терактов под кодовым названием «Операция возмездия «Бумеранг». Боевики планируют совершить их накануне выборов президента Чеченской республики, назначенных на 5 октября. Они намерены проводить теракты по всей территории России, и в первую очередь там, откуда командировали военных и милиционеров для участия в контртеррористической операции. В интервью Басаева, опубликованном на сайтах чеченских сепаратистов, говорится, что исполнителями станут смертники, специально подготовленные в лагерях ваххабитов.

Интернет-издание «Lenta.ru», 15 сентября 2003 г.

Вчера террорист-смертник на заминированном грузовике взорвал только что построенное здание ингушского управления ФСБ в Магасе. Погибли как минимум двое чекистов и еще несколько десятков получили ранения. Точно установлено, что за рулем сидел террорист-одиночка. От него остались только два обожженных пальца левой ноги.

Газета «КоммерсантЪ», 16 сентября 2003 г.